

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра языкознания и страноведения Востока

РУДНИЦКАЯ
Дарья Николаевна

**СПЕЦИФИКА ИНТЕГРАЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ
СЕМЕЙ В СОЦИУМЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ**

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент В. Р. Боровой

Допущена к защите

« ___ » _____ 2021 г.

Зав. кафедрой языкознания и страноведения Востока
кандидат исторических наук, доцент В. Р. Боровой

Минск, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РЕФЕРАТ	3
РЭФЕРАТ	4
ABSTRACT	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	10
1.1 Историография	10
1.2 Обзор научно-исследовательской литературы по демографии и мультикультурализму Кореи	13
1.3 Методы исследования	19
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ в XX- НАЧАЛЕ XXI века	21
2.1 Динамика трансформации структуры южнокорейской семьи	23
2.2 Миграционная политика Республики Корея	33
2.3 Рост международных браков	38
ГЛАВА 3 КОРЕЙСКАЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА	42
3.1 Государственная политика в отношении мультикультурализма (начало 2000-х гг.)	44
3.2 Партийная политика в отношении мультикультурализма на современном этапе	50
3.3 Первый базовый план иммиграционной политики (2008-2012).....	54
3.4 Второй базовый план иммиграционной политики (2013-2017).....	55
3.5 Третий генеральный планом иммиграционной политики (2018-2022)..	58
ГЛАВА 4 ОТНОШЕНИЕ К МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	65
4.1 Позитивное отношение	65
4.2 Негативное отношение.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	89
ПРИЛОЖЕНИЕ А_Статистика заключения браков с иностранкой (2000-2020 гг.)	97
ПРИЛОЖЕНИЕ Б_Статистика заключения браков с иностранцем (2000-2020 гг.)	98

РЕФЕРАТ

Дипломная работа: 88 с., 4 рис., 20 табл., 93 источника, 2 прил.

СПЕЦИФИКА ИНТЕГРАЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ СЕМЕЙ В СОЦИУМЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ.

Объект исследования: мультикультурализм в современном мире.

Предмет исследования: политика Республики Корея в условиях мультикультурализма.

Цель работы: выявить особенности мультикультурализма в южнокорейском обществе.

Методы исследования: системно-структурные методы; метод изучения и обобщения источников и научной литературы по данной теме, а именно способ внутренней критики источников, например, правительственных программ, официальных документов и т.д., ситуационный анализ для составления полной картины происходящего и прослеживания причинно-следственной связи между процессами.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении особенностей демографической и мультикультурной политики Республики Корея и влиянии мультикультурализма на современном этапе. Кроме того, научная новизна обусловлена недостаточной разработанностью научного аппарата и отсутствием фундаментальных исследований, посвященных развитию мультикультурализма в южнокорейском обществе.

Автор работы подтверждает, что приведенный в ней теоретический и аналитический материал объективно отражает состояние исследуемого вопроса, а все заимствованные из литературных и других источников положения и концепции сопровождаются ссылками на их авторов.

РЭФЕРАТ

Дыпломная работа: 88 с., 4 мал., 20 табл., 93 крыніц, 2 прыкл.

СПЕЦЫФІКА ІНТЭГРАЦЫІ МУЛЬТЫКУЛЬТУРНЫХ СЕМ'ЯЎ У
СОЦЫУМЕ РЭСПУБЛІКІ КАРЭЯ.

Аб'ект даследавання: мультыкультуралізм у сучасным свеце.

Прадмет даследавання: палітыка Рэспублікі Карэя ва ўмовах мультыкультуралізму.

Мэта работы: выявіць асаблівасці мультыкультуралізму ў паўднёвакарэйскім грамадстве.

Метады даследавання: сістэмна-структурныя метады; метады вывучэння і абагульнення крыніц і навуковай літаратуры па дадзенай тэме, а менавіта спосаб ўнутранай крытыкі крыніц, напрыклад, урадавых праграм, афіцыйных дакументаў і т.д., сітуацыйны аналіз для складання поўнай карціны таго, што адбываецца і высочвання прычынна-следчай сувязі паміж працэсамі.

Навуковая навізна даследавання ў комплексным разглядзе асаблівасцяў дэмаграфічнай і мультыкультурнай палітыкі Рэспублікі Карэя і ўплыве мультыкультуралізму на сучасным этапе. Акрамя таго, навуковая навізна абумоўлена недастатковай распрацаванасцю навуковага апарата і адсутнасцю фундаментальных даследаванняў, прысвечаных развіццю мультыкультуралізму ў паўднёвакарэйскім грамадстве.

Аўтар р пацвярджае, што прыведзены ў ёй тэарэтычны і аналітычны матэрыял аб'ектыўна адлюстроўвае стан доследнага пытання, а ўсе запазычаныя з літаратурных і іншых крыніц палажэнні і канцэпцыі суправаджаюцца спасылкамі на іх аўтараў.

ABSTRACT

Qualification work: 88 p., 4 ill., 20 tab., 93 sources, 2 app.

THE SPECIFICS OF THE INTEGRATION OF MULTICULTURAL FAMILIES IN THE SOCIETY OF THE REPUBLIC OF KOREA.

The Object of the research is multiculturalism in the modern world.

The Subject of the research is the politics of the Republic of Korea in the context of multiculturalism.

The Aim is to identify the features of multiculturalism in South Korean society.

Methods: system-structural methods; a method of studying and summarizing sources and scientific literature on the topic, namely, a method of internal criticism of sources, such as government programs, official documents, etc., situational analysis to compile a complete picture of what is happening and to trace the causal relationship between processes.

The scientific novelty of the research is in a comprehensive review of the features of the demographic and multicultural policy of the Republic of Korea and the impact of multiculturalism at the present stage. In addition, there is the lack of development of the scientific apparatus and the lack of fundamental research on the development of multiculturalism in South Korean society.

The author of the work confirms that described theoretical and analytical material objectively reflects the state of the studied problem, and all terms and concepts borrowed from the literary and other sources are accompanied by references to their authors.

ВВЕДЕНИЕ

За последние семь десятилетий Южная Корея претерпела чрезвычайно быстрые преобразования во многих областях – демографической, экономической, политической, социальной и культурной. Его валовой национальный продукт (ВНП) на душу населения увеличился с 79 долларов США в 1960 г. до 22 582 долларов США в 2012 г. Общий коэффициент рождаемости снизился с 6 в 1960 г. до 2,06 или примерно на уровне воспроизводства населения в 1983 г., а затем достиг самого низкого уровня в 1,23 в 2010 г., немного увеличившись до 1,24 в 2011 г. Между тем доля корейского населения в возрасте 65 лет и старше значительно возросла с 3,3 % в 1960 г. до 11,3 % в 2010 г. Статистическое управление Кореи прогнозирует, что доля населения экономически продуктивного возраста (15-64 года) начнет снижаться с 2018 года из-за старения населения и низкой рождаемости. В 2017 году всего 14% населения Южной Кореи были в возрасте 65 лет или старше. Доля трудоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет составила 73%. Однако согласно прогнозам, к 2065 г. для трудоспособного населения может сократиться до 46%, таким образом старение населения приведет к большим экономическим трудностям, с которыми сталкивается страна уже в ближайшее время [40].

Также южнокорейское общество, традиционно считающееся однородным с точки зрения расы и этнической принадлежности, трансформируется в более многокультурное общество. Число иммигрантов в Корею постоянно растет с ускорением темпов глобализации. Начиная с притока рабочих-мигрантов в конце 1980-х гг. и продолжая быстрым ростом числа женатых иммигрантов в 2000-х гг., по состоянию на 2016 год в Корею проживало около 2 млн иностранцев, что составляло 3,9 % от общей численности южнокорейского населения в 51,3 млн человек [10].

Среди прочих факторов этому быстрому росту числа иммигрантов способствовал приток женщин-мигрантов, вступающих в международные браки. Этот приток женщин-брачных мигрантов был обусловлен главным образом спросом и поддерживался корейским правительством в качестве средства решения определенных социальных проблем, включая низкий уровень рождаемости и несбалансированный брачный рынок, что особенно сильно сказывалось на мужчинах в сельских районах и/или с более низким социальным статусом. Поскольку число женщин, вступающих в брак с мигрантами, быстро растет, они стали главной мишенью социальной политики в Корею, что привело к общественным спорам о том, как понять и построить мультикультурализм в корейском обществе. В качестве определенной цели политики социальной интеграции многокультурные семьи являются

приоритетными целями политики в отношении мигрантов и охватываются политикой социального обеспечения, которая применяется к гражданам в целом. Однако это внимание также вызвало критику со стороны некоторых исследователей, которые утверждают, что чрезмерное внимание политики к мультикультурным семьям привело к предвзятому распределению политики в ущерб другим группам иммигрантов, таким как иностранные рабочие [12].

Мультикультурализм в настоящее время является глобальным явлением, поскольку от стран ожидают соблюдения международных стандартов в области прав человека и этнического и культурного разнообразия. Зародившись в англоязычных странах, таких как Соединенные Штаты, Великобритания, Австралия и Канада, цель мультикультурализма заключается в признании и принятии культурных различий и плюрализма при одновременном уважении прав меньшинств [30].

Более конкретно, Уилл Кимлика [48], известный канадский политический философ, специалист в области международной политики разнообразия, определяет *мультикультурализм* следующим образом: общий термин, охватывающий широкий спектр стратегий, направленных на обеспечение определенного уровня общественного признания, поддержки или приспособления к недоминантным этнокультурным группам, будь то «новые» меньшинства (например, иммигранты и беженцы) или «старые» меньшинства (например, исторически осевшие национальные меньшинства и коренные народы) [40].

Как мы видим из этого определения, основная идея мультикультурализма имеет политические и философские аспекты, которые подталкивают страны к осуществлению политики на институциональном уровне для борьбы со всеми формами угнетения. Она также направлена на обеспечение защиты и поощрения прав человека этнических, религиозных, сексуальных и языковых меньшинств, включая коренные народы и их общины [40].

Для Южной Кореи мультикультурализм является довольно недавним явлением по сравнению с Западом. Хотя термин мультикультурализм впервые появился в корейских газетах в начале 1990-х годов, только в 2000-х годах Южная Корея начала рассматривать мультикультурализм как «собственное дело» южнокорейцев. То есть, когда термин мультикультурализм был впервые введен в Южной Корее, он появился в «кратких мировых новостях» и не обязательно отражал корейское общество. В то время Южная Корея все еще оставалась этнически и культурно «однородным» обществом. Однако в начале XXI века, корейское общество начало диверсифицироваться с увеличением числа иностранцев и иммигрантов, что требует более серьезного обсуждения мультикультурализма как собственной социальной проблемы. По данным

Министерства внутренних дел Кореи за 2015 г. около 1,7 миллиона иностранцев (не корейцев) в настоящее время живут в Республике Корея, что почти в 30 раз больше, чем в 1990-е гг. Страна в настоящее время быстро становится разнообразным обществом, испытывая растущую глобальную тенденцию мультикультурализма [19].

Для того чтобы справиться с быстрыми изменениями в составе корейского населения, корейское правительство предпринимает усилия по разработке различных поликультурных стратегий, отвечающих как международным стандартам, так и национальным потребностям. Несмотря на местные и национальные усилия по решению проблемы социальных изменений, вопрос мультикультурализма, однако, уже довольно давно является социальной, политической и образовательной проблемой в Южной Корее [18].

Кроме того, корейский мультикультурализм подвергается критике за то, что этнические меньшинства или не корейцы позиционируются как «другие» или отклонения от корейской нормы. Эта практика создает дихотомию «мы против них», увековечивая неравные отношения между доминирующими корейцами и иммигрантами. Кроме того, отсутствует концептуальный метод, необходимый для конструктивного рассмотрения вопросов разнообразия. Действительно, теоретические дискуссии о мультикультурализме и мультикультурных проблемах до недавнего времени редко проводились в Южной Корее [40].

Следовательно, в этой дипломной работе мы попытаемся внести свой вклад в дискуссию о корейском мультикультурализме. Таким образом, мы надеемся дать четкое понимание того, что значит быть мультикультурными гражданами в Республике Корея или гражданами мира в меняющуюся, разнообразную и глобальную эпоху.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении особенностей демографической и мультикультурной политики Республики Корея и влияния мультикультурализма на современном этапе. Кроме того, научная новизна обусловлена недостаточной разработанностью научного аппарата и отсутствием фундаментальных отечественных исследований, посвященных развитию мультикультурализма в южнокорейском обществе.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей мультикультурализма в южнокорейском обществе.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

- Выявить основные причины возникновения мультикультурализма.

- Охарактеризовать иммиграционные тенденции в Республике Корея.
- Определить позицию корейского государства и религиозных организаций в отношении мультикультурных семей.
- Проанализировать изменение взглядов корейцев в отношении межэтнических браков.

Объектом исследований является мультикультурализм в современном мире.

Предмет исследований: политика Республики Корея в условиях мультикультурализма.

Практическая значимость работы состоит в том, что основные её результаты могут быть использованы в открытых лекциях по истории и внутренней политике Республики Корея. Отдельные выводы могут стать основой для последующих исследований в этой области.

Структура и объём дипломной работы. Дипломная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы (93 позиций, из них 21 на русском, 60 на английском и 12 на корейском языках) и приложения. Дипломный проект выполнен на 88 с.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Историография

Численность и состав населения непрерывно меняются во времени: люди рождаются, умирают, меняют место жительства, вступают в брак или расторгают его, оканчивают школы и вузы, получают новые профессии. Познание закономерностей развития демографических явлений возможно лишь на основе разносторонней, детальной и достоверной информации о демографических событиях [2, с.27].

В настоящее время в демографии используются четыре взаимодополняющих источника данных о населении: переписи населения; текущий статистический учет демографических событий; регистры и различные списки (учета) населения и выборочные и специальные обследования [2, с.27].

После Второй мировой войны большинство стран начали собирать статистические данные в соответствии с общим стандартом, что позволило сравнивать данные между странами. В Южной Корее сбор статистических данных, основанных на международном стандарте, также начался в 1950-х и 1960-х годах, хотя и существовали различия в зависимости от области применения. По этой причине трудно увязать статистику более раннего периода с текущей статистикой или сравнить ее со статистикой других стран. Важной задачей стало составление статистических данных по каждому периоду для составления долгосрочных последовательных рядов [45, с.2].

Однако доступность статистических данных для каждого периода различна, что приводит к различиям в преследуемых целях и методах подхода. Состояние статистических данных за рассматриваемый период можно кратко охарактеризовать следующим образом [45, с.2].

Сначала рассмотрим статистику традиционного периода. В то время еще не было современных статистических исследований, поэтому имеющиеся статистические данные весьма ограничены. Правда, домашняя и земельная статистика, составлявшая основу государственного сбора налогов, собиралась по всей стране. Однако в данные домашних хозяйств часто включаются неродственные лица, что затрудняет оценку общей численности населения. *Кельсу* (결수, 結數), мера для оценки земли, была налоговой единицей, и ее классификация настолько отличалась от первоначальных правил, что трудно оценить фактический размер земли. Поэтому единственный способ приблизиться к условиям того времени – это опираться на фрагментированные данные [45, с.3].

Одним из примеров являются генеалогические записи и заметки, оставленные землевладельцами, торговцами и конфуцианскими академиями (журналы, записи об урожае, записи о разделе имущества и т. д.). Из этих материалов мы можем получить информацию о ценах – например, о ценах на покупку или продажу товаров, процентных ставках и заработной плате; информацию о размере земли и ее производительности – например, о доходе или ренте, получаемой вместе с ней; о рождениях и смертях в одной семье; и другие данные. Статистические данные носят фрагментарный характер и охватывают лишь отдельные области, поэтому их способность отражать события в масштабах всей страны ограничена. Задача состоит в том, чтобы компенсировать это ограничение путем увеличения размера выборки на основе вновь найденных данных [45, с.3].

Во-вторых, это статистика колониального периода. В этот период началось проведение первых современных статистических исследований, и число национальных исследований (в результате которых были подготовлены как всеобъемлющие, так и специализированные статистические книги) быстро возросло. Одной из характерных особенностей этих исследований является то, что Япония распространила на свои колонии, включая Чосон (조선, 朝鮮), стандарты и методы исследования, используемые на родине [45, с.4].

Генерал-губернаторство получало от местных административных учреждений регулярные (ежегодные, ежеквартальные, ежемесячные и т. д.) отчеты о текущем состоянии дел в различных областях, составленные в соответствии с «избранными формами отчетов Генерального правительства»; систематизировали данные отчетов; и опубликовали несколько видов статистических книг, таких как «статистический ежегодник Генерального правительства Чосона». Помимо этих административных статистических данных, японская администрация проводила и другие виды общепринятых исследований, такие как «национальное исследование» [45, с.4].

Таким образом, статистические данные колониального периода сравнительно велики, но существуют определенные ограничения. Во-первых, в первые колониальные годы, пока не была создана административная система сбора статистических данных, зона охвата была небольшой. Решение этой проблемы является важной предпосылкой для изучения условий, существовавших в ранний колониальный период. Во-вторых, в то время международные стандарты не использовались для сбора статистических данных, поэтому эти данные должны быть реорганизованы.

Далее рассмотрим период с 1940-х гг. Публикация статистических данных в конце колониального периода была ограничена условиями войны. Например, в репрезентативном статистическом издании «ежегодник Генерального правительства Чосона» не приводятся данные за 1941 г. и

последующие годы, хотя существуют различия в зависимости от области статистики. Кроме того, некоторые статистические данные были классифицированы, а некоторые были определены как «другие». После освобождения прежние статистические книги перестали издаваться, а новые, чтобы заменить их, стали выходить гораздо позже [45, с.5].

Например, «Корейский статистический ежегодник» был впервые опубликован в 1952 г., но объем статистических данных, которые он предоставлял, был значительно сокращен. Поскольку всеобъемлющих статистических данных за промежуточный период не имеется, исследователи должны работать с фрагментарными статистическими данными, остающимися в каждой области. Кроме того, процедуры компиляции в то время не соответствовали международным стандартам. Поэтому основными задачами на этот период являются сбор и систематизация данных, а также построение долгосрочных рядов, связывающих эти данные со статистикой за предыдущий и последующие периоды. Ряды, связывающие историческую статистику каждого периода как можно более последовательно с текущей статистикой, называют «долгосрочной статистикой» [45, с.5].

Далее мы рассмотрим текущую ситуацию в области составления долгосрочной статистики в четырех выбранных областях – население, национальные счета, торговля и потребительские цены. Демографические и национальные счета содержат основные статистические данные для изучения социальной структуры в течение данного периода, а также для проведения сопоставлений между странами. Торговля позволяет построить самый длинный ряд, восходящий к периоду открытия Кореи для Запада, тогда как потребительские цены (в частности, индекс потребительских цен) выбраны потому, что они позволяют сравнивать статистику по номинальным значениям в разные периоды. Это относительно продвинутые области с точки зрения составления долгосрочной статистики [45, с.5].

Данные для демографического исследования получены из двух различных источников: Корейской переписи населения, статистика естественного движения населения и жилищного фонда. Описательные таблицы, полученные из обоих источников данных, доступны в режиме онлайн в Корейской службе статистической информации (KOSIS). В Корее перепись населения проводится каждые пять лет, а данные о регистрации рождений публикуются ежегодно с 1981 года. Но в начале 2018 г. было объявлено, что общий коэффициент рождаемости упал до 0,98 – один из самых низких в мире. Данные о численности женского населения в разбивке по возрасту за каждый год были получены на основе данных переписи населения, представленных статистическим управлением Кореи. Все эти данные

доступны в виде сводных таблиц из KOSIS, но некоторые из них представлены только на корейском языке.

1.2 Обзор научно-исследовательской литературы по демографии и мультикультурализму Кореи

Теоретико-методологическая часть исследования основывается на научных и аналитических статьях теоретиков мультикультурализма **У. Кимлика** [48] и **Ч. Кукатаса** [9]. Согласно основным идеям У. Кимлика, культура меньшинств находится в дискредитируемом положении, поэтому государство обязано осуществлять комплекс охранительных мер, учитывая принципы либеральной справедливости. Сохранение и поддержание культурных ценностей – приоритетная задача, однако данная концепция в полной мере подходила для тех национальных меньшинств, которые исторически сформировались на территории государства. У. Кимлика отмечал, что поскольку мигранты добровольно переселяются в другую страну, потребность в сохранении их культуры отпадает. Правительство может проводить политику уважения их принадлежности к другой культуре и адаптации к условиям жизни в новом обществе [13].

Британский исследователь Ч. Кукатас, в отличие от У. Кимлика, рассматривал мультикультурализм в рамках активизации миграционных процессов, поэтому в его теории иммигранты рассматриваются как движущая сила культурного плюрализма. Он выделил четыре основных вида политики правительства, которое столкнулось с дилеммой мультикультурализации: изоляционизм, ассимиляция, «мягкий» и «жесткий» мультикультурализм. Сам исследователь был приверженцем «мягкой» политики. Другими словами, те, кто входит в другое общество, могут беспрепятственно жить в соответствии с собственными традициями либо как часть космополитического целого, либо как представители культурных меньшинств, связанных лишь по минимуму с другими группами. Присутствие иных культур и традиций воспринимается толерантно, даже если эти традиции не согласуются с либерализмом и либеральными ценностями [9].

Среди корейских исследователей можно выделить тех, кто заложил исследовательскую базу корейского мультикультурализма: Хан Гонсу [31], Тимоти Лим [76] и Эндрю Ким [46]. Большая часть их работ вышла после провозглашения политики мультикультурализма на официальном уровне. Каждый из авторов приходит к выводу, что декларативный мультикультурализм в Корее отличается от западного, а политика

правительства Но Мухёна была не слишком дальновидна и не учитывала реалий, в которых существует южнокорейское общество.

Среди российских востоковедов наиболее признанным специалистом по демографической политике Республике Кореи является **Эм Павел Павлович**. В 2018 году на основе опыта многолетних исследований П. Эмом была опубликована уникальная монография *«Пространственное развитие урбанизации на Корейском полуострова: сравнение Юга и Севера»* [20]. В работе впервые в российской географической науке и регионоведении (корееведении) проведено сравнение пространственного развития урбанизации в южной и северной частях Корейского полуострова после 1950 г. Описаны региональные особенности урбанизации, стадии ее развития, миграции, новые формы организации городского расселения, иерархии городских населенных пунктов, особенности городов КНДР и многое другое. Представлены результаты комплексного исследования эволюции системы городского расселения с использованием авторской методики. Показана взаимосвязь между развитием городов и демографическими процессами. Также Павел Эм в своей другой работе *«Республика Корея. Второй демографический переход: особенности и результаты»* [19] подробно описал демографические изменения и связанные с ними причины, указал на появление таких явлений как поколение «сампхо» и «кенгуру».

Самсонова (Пак) Виктория Григорьевна также занималась исследованиями Южной Кореи в области демографии и миграции (*«Проблемы старения населения в Республике Корея»* [15], *«Тенденции развития демографической ситуации в Республике Корея»* [16]). В исследовании *«Миграция в РК: современное состояние, проблемы, перспективы»* [14] Виктория Григорьевна отметила, что остро встает проблема нехватки как низкоквалифицированных рабочих, так и высококвалифицированных специалистов в ведущих отраслях экономики. В связи с этим приоритетом миграционной политики в южной Корее становится привлечение трудовых ресурсов из-за рубежа и удержание, отечественных специалистов. Миграционная политика РК отвечает вызовам глобального мира, не закрывается от мировых миграционных процессов и получает от этого дивиденды в виде обеспечения притока молодых иностранных человеческих ресурсов в страну, но и проводит политику тщательного контроля за потоками с целью уменьшения количества нелегальных мигрантов, сбалансированного спроса и предложения на рынке труда РК.

В исследовании **Хренова Валентина Валерьевича** *«Социально-экономические последствия мультикультурализации южнокорейского общества»* [18] рассматриваются последствия мультикультурализма на социально-экономическую сферу в Южной Корее. На основе статистических

показателей корейской национальной экономики и анализа миграционных процессов определяется глубина влияния на корейское общество со стороны как западных, так и азиатских культур. Особое внимание уделяется анализу мультикультурализации в исторической перспективе, причин этого явления и последствий.

Также известен в научных кругах **Ким Герман Николаевич**, казахстанский историк и кореевед, чьи работы посвящены миграционным процессам и социально-культурному развитию корейцев, проживающих в Казахстане. В своём исследовании *«Демографические процессы в Республике Корея и предпосылки эмиграции»* [5] автор уделяет внимание причинам перехода от ранних к более поздним возрастам вступления в брак. Он приходит к выводу, что главным фактором явилась ускоренная урбанизация и изменившиеся условия городской жизни.

В Корее перепись населения (национальная перепись) впервые была проведена в 1925 году и с тех пор, как правило, проводилась каждые пять лет. Исключения составляют переписи населения 1944 и 1949 гг., но с 1955 года Перепись вернулась к обычному 5-летнему сроку. За двумя исключениями, в 1944 году число обследованных пунктов было меньше, чем в предыдущие годы; а в 1949 году перепись охватывала только данные о численности населения по каждому полу в каждом административном округе. Демографические показатели этого периода демонстрируют большие колебания из-за возвращения корейских эмигрантов из-за рубежа, быстрого увеличения числа беженцев из Северной Кореи и гибели людей во время Корейской войны. В этой связи перед учеными стоят две задачи: оценить численность населения за период до начала всенародной переписи и дать оценку численности населения за каждый год в период потрясений 1944-1955 годов [45, с.6].

Первая задача состоит в том, чтобы рассмотреть данные о численности населения до национальной переписи 1925 г. Помимо национальной переписи населения, существует статистика населения административного исследования, называемого «регистрация домашних хозяйств», которое началось в первые годы колониального периода. Однако эти цифры свидетельствуют об очень резком увеличении численности населения в ранний колониальный период, и это отражает не фактические условия, а повышение точности исследования домашних хозяйств по мере того, как генерал-губернаторство строило административную систему. Именно поэтому было предпринято несколько попыток оценить численность населения за период 1910-1925 годов без обращения к «регистрации домашних хозяйств». Далее следует краткое рассмотрение результатов таких исследований [45, с.6].

Йошикуни Иши («Анализ роста численности населения в Корее» 1972 г.), используя данные национальной переписи, рассчитал прогресс выживаемости для каждой (пятилетней) возрастной группы после 1925 г. и сделал прогнозы на более ранний период, основываясь на предположении, что такая тенденция увеличения выживаемости имела место до начала национальной переписи. Используя этот метод, ученый рассчитал коэффициент выживаемости для каждой возрастной группы до 1925 г. и поэтому смог оценить численность населения по возрастным группам [45, с.6].

С другой стороны, **Квон Тэхван, Ли Хэён, Юнстик Чан и Ю Ыянг** («Население Кореи» 1975 г.) выдвинули гипотезу, что годовой темп естественного прироста (0,2%), рассчитанный на основе статистики домохозяйств выбранного периода, оставался неизменным до 1900 г., а затем общий уровень рождаемости быстро увеличивался, в то время как общий уровень смертности начал быстро снижаться. В результате темп естественного прироста составил 0,4% в 1910 г., 0,7% в 1915 г., 1,2% в 1920 г., а к 1925 г. он вырос до 1,87% [45, с.6].

Однако это исследование не дает четких доказательств в поддержку гипотезы о том, что переход населения начался с 1900 г., темпы естественного прироста до этого находились на уровне 0,2%, а прирост был устойчивым вплоть до 1925 г., согласно исследованию **Пак Витхэка** «Пересмотр оценок численности населения в колониальной Корее» 2008 г. Кроме того, поскольку численность населения оценивалась исходя из общего темпа прироста населения, невозможно получить демографические показатели для каждой возрастной группы [45, с.6].

Со Санчоль в работе «Рост и структурные изменения в корейской экономике» (1978 г.) рассчитал численность населения, ретроспективно применив к более раннему периоду темпы прироста населения периода после начала национального исследования. Это предположение слишком просто, чтобы считать его оценкой численности населения; тем не менее, оно использовалось в качестве статистики численности населения в исследовании Ангуса Мэддисона, описанном позже [45, с.6].

Чха Мёнсу в работе «Экономический рост, распределение доходов и структурные изменения» (2006 г.) критиковал, как не имеющие эмпирических доказательств, гипотезу Иши о том, что выживаемость после 1925 г. была долгосрочной тенденцией, которая продолжалась с более раннего периода. Вместо этого Чха вывел коэффициент выживаемости в каждой возрастной группе мужского населения *янбан* (양반, 兩班) – аристократов) старше 20 лет, используя генеалогические записи четырех семей, которые распространялись на период до начала национальной переписи. Затем он сравнил показатели выживаемости для каждой возрастной группы, полученные в ходе

национальной переписи, и показатели, полученные в результате генеалогических записей за период после 1925 г. [45, с.7].

Основываясь на соотношении между двумя наборами показателей выживаемости, он смог исправить смещение, вытекающее из того факта, что генеалогические записи были ограничены классом *янбан*. Он наблюдал определенную закономерность в каждой возрастной группе, когда уровень выживаемости в национальной переписи возрастал, и применял ее для оценки уровня выживаемости, который невозможно было получить из генеалогических записей, – уровня выживаемости населения моложе 20 лет. В генеалогических записях также отсутствовала информация о женщинах, поэтому Чха оценил коэффициент выживаемости женского населения, спроецировав соотношение между коэффициентами выживаемости мужчин и женщин в каждой возрастной группе, отраженными в национальной переписи, и коэффициентом выживаемости мужчин периода до национальной переписи, рассчитанным с помощью генеалогических записей [45, с.7].

Пак Витхэк в своей исследовательской работе «Пересмотр оценок численности населения в колониальной Корее» (2008 г.) оценил численность населения, используя ежегодную статистику смертности по возрастным группам, опубликованную в «статистическом ежегоднике Генерального правительства Чосона». Например, «мужское население N лет в конце 1924 года равнялось мужскому населению N+1 год в конце 1925 года + число смертей мужчин N лет в 1925 году.» Ретроактивно применяя этот метод год за годом, исследователь получил численность населения за 1910 год [45, с.7].

Ключом к такому подходу является оценка числа смертей, не зарегистрированных в статистике, и числа иммигрантов. При оценке численности населения по возрастным группам за период с 1910 по 1924 год Пак использовал «статистические данные Чосона», информацию по населению 1914 года по каждой возрастной группе и другие источники для оценки числа смертей, пропущенных в записях. Для определения численности мигрантов он использовал оценки других ученых. Один момент, заслуживающий особого внимания, – оценки других ученых не отражают роста смертности в 1918 году, когда пандемия испанского гриппа достигла Корейского полуострова, оставив большое число погибших среди местного населения [45, с.7].

Вторая задача – оценить численность населения за каждый год в период с 1944 по 1955 год. Национальное статистическое управление начало публиковать ежегодные данные о населении в 1960 г., поэтому официальной статистики за предыдущие годы не существует. Даже если мы воспользуемся данными национальных переписей, проведенных в 1944, 1949 и 1955 годах, они не дадут нам информации о значительных ежегодных изменениях

численности населения в результате демографических потрясений, таких как возвращение корейских эмигрантов из-за рубежа и приток беженцев с севера после освобождения, а также быстрый рост смертности во время Корейской войны [45, с.8].

Ангус Мэддисон («Мониторинг мировой экономики 1820-1992 гг.» 1995 г.; «Мировая Экономика: Историческая Статистика» 2003 г.; «Историческая статистика мировой экономики» 2010 г.) предлагает данные о численности населения за каждый год в течение этого периода, но доказательства, подтверждающие его исследования, неясны, поскольку было подтверждено, что данные о численности населения за 1946-1948 гг. совпадают с оценками военного правительства армии США в Корее (отчет Банка Кореи за 1959 г.), но невозможно найти основу для его цифр за другие годы [45, с.8].

С другой стороны, **Ким Наннён** («Национальные счета Кореи, 1911-2007 годы: долгосрочный ряд основных показателей» 2009 г., с. 88-94) оценил годовую численность населения в течение этого периода, используя следующий метод. Во-первых, он использовал расчетный показатель мигрантов из-за рубежа, число смертей из-за Корейской войны и беженцев с севера, как это было предложено в работе Квон Тэхвана «Демография Кореи: изменение численности населения и его составляющие 1925-1966 гг.» [45, с.8].

Затем он оценил распределение миграционных потоков по годам на основе иммиграционных данных военного правительства армии США в Корее и других материалов. Вычитание численности мигрантов из-за рубежа из показателей, зафиксированных переписями населения в 1949 и 1955 гг., и добавление числа погибших на войне дает размер населения без последствий демографических потрясений. Эти гипотетические изменения численности населения (в периоды 1945-1949 и 1949-1955 гг.) можно считать обусловленными естественным приростом населения. Затем он получил величину годового естественного прироста, предположив, что годовой темп естественного прироста остается постоянным. Он вычел из этой цифры число международных мигрантов за каждый год и число погибших во время Корейской войны, как было подсчитано выше, а затем оценил численность населения за каждый год в течение рассматриваемого периода [43, с.8].

Таким образом, если мы свяжем оценки численности населения, представленные в описанных выше исследованиях, с данными Национального статистического управления, то получим общий ряд численности населения за период 1910-2020 гг.

1.3 Методы исследования

Во время исследования были применены **системно-структурные методы** для описания события и явлений, происходящих в хронологической последовательности. Также использовался **метод изучения и обобщения источников и научной литературы** по данной теме, а именно способ внутренней критики источников, например, правительственных программ, официальных документов и т.д., ситуационный анализ для составления полной картины происходящего и прослеживания причинно-следственной связи между процессами. Для определения современных тенденций, важной информационно-эмпирической и нормативно-правовой базой стали законодательные акты, государственные проекты и программы. Для подтверждения наших тезисов использовались статистические данные, опубликованные на официальных сайтах статистических агентств.

Также для проведения данного исследования мы использовали **вторичный анализ данных** в качестве основного метода исследования. Чтобы проанализировать правовую и политическую информацию, мы собрали официальные документы корейского правительства, а также проанализировали статистические данные. Мы искали новости и журнальные статьи с ключевыми словами «мультикультурализм», «мультикультурная семья» и «поддержка мультикультурных семей», чтобы изучить дискурсы о мультикультурализме и соответствующей политике в корейском обществе. Для **количественного анализа** мы использовали данные из работы Чо Розы Минхё «Ослабление поддержки этнических меньшинств в Южной Корее: изменение общественного мнения от культурных к материалистическим проблемам». Данное исследование проводилось при поддержке Института Восточной Азии и представляет собой опрос южнокорейских граждан в отношении к мультикультурализму за 2010, 2015 и 2020 гг. Также нами была дана оценка деятельности религиозных организаций в отношении мигрантов и мультикультурных семей.

Методологической и информационной базой данного исследования послужили научные издания на английском и корейском языках, содержащие важные сведения по мультикультурализму и демографической ситуации в Республике Корея. Концептуально работа опирается на исследования Ли Хеён «Демографический переход в Корее» (Hae-Young Lee «Demographic transition in Korea»), Чо Роза Минхё «Ослабление поддержки этнических меньшинств в Южной Корее: изменение общественного мнения от культурных к материалистическим проблемам» (Rosa Minhyo Cho «Waning Support for Ethnic Minorities in South Korea: Change in Public Mind from Cultural to Materialistic

Concerns»), Рю Ихён «Управление группами меньшинств в Южной Корее: пример включения и исключения Политики мультикультурализма» (Yihyun Ryu «Governing Minority Groups in South Korea: A Case Study of Multiculturalism Policy's Inclusions and Exclusions»), Змире Зельяна «Мультикультурализм и гражданство в Южной Корее: влияние корейской идентичности на мультикультурализм» (Zeljana Zmire «Multiculturalism and Citizenship in South Korea: The Impact of Korean identity on Multiculturalism»), Ли Ёнсын «Явление мультикультурализма и анти-мультикультурализма в Южной Корее» (Yong-Seung Lee «Multiculturalism and Anti-multiculturalism Phenomena in South Korea») и др.

ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В XX- НАЧАЛЕ XXI века

В 1911 году в Корее была проведена первая современная перепись населения, дающая определенные результаты. На то время она зарегистрировала 17 млн человек, а средняя ожидаемая продолжительность жизни составляла всего 25 лет. Эта цифра сегодня может показаться неправдоподобно низкой, но надо принять во внимание, что она была обусловлена огромной детской смертностью: в те времена на территории Кореи, как и во многих других странах, около четверти всех детей умирали, не дожив до года [11].

В период 1910-1915 гг. общий коэффициент смертности оценивался в 34 смертельных случая на тысячу, как показано в таблице 2.1. Он был снижен до 26 к 1925-1930 гг., и далее до 23 к периоду 1935-1940 гг. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 37,9 лет для мужчин и 37,2 года для женщин в 1925-1930 гг. до 42,0 лет и 44,8 лет соответственно в 1940-1945 гг. [52, с.87]

Таблица 2.1 – Общий коэффициент смертности и ожидаемая продолжительность жизни при рождении, в разбивке по полу

Год	Общий коэффициент смертности (на 1000)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	
		Муж	Жен
1910-1915	34	-	-
1915-1920	33	-	-
1920-1925	30	-	-
1925-1930	26	37,9	37,2
1930-1935	24	40,4	40,1
1935-1940	23	40,4	41,7
1940-1945	23	42	44,8
1945-1950	23	-	-
1950-1955	33	-	-
1955-1960	16	46,9	52,5
1960-1965	15	48,1	53,5
1965-1970	13	50,8	56,5

Примечание: источник [52, с.87, таблица 1].

Такое снижение смертности было достигнуто, главным образом, за счет профилактики инфекционных заболеваний и улучшения состояния

окружающей среды и общественного здравоохранения. По тем или иным причинам японское генерал-губернаторство Кореи значительно улучшило условия общественного здравоохранения и санитарии за счет принудительной профилактики инфекционных заболеваний, создания карантинной системы и строительства в 1907 г. канализационных и водопроводных путей. Дополнительными факторами, которые следует упомянуть в связи с сокращением смертности, являются создание медицинских школ и учреждений, в том числе больниц [52, с.87].

Следует отметить, что это неуклонное снижение смертности, в отличие от западноевропейских стран, не было вызвано повышением уровня жизни. Фермеры, составлявшие в то время подавляющее большинство корейского населения, в колониальный период становились все более нищими. Многие из них, в конце концов, покинули свою деревню, чтобы искать новые возможности в Маньчжурии и Японии. По оценкам, в Маньчжурию и Японию мигрировало более двух миллионов человек. Вторая Мировая война, разразившаяся в конце 1930-х годов, не оказала прямого влияния на уровень смертности, поскольку Корея так и не стала полем битвы [52, с.87].

К 1945 г. население Корейского полуострова существенно увеличивается до 25 млн при плотности населения 164 чел. на квадратный километр, а потом в 1949 г. оно увеличивается еще на 4 млн, и в итоге численность населения составляет 29 млн. Доминирующим фактором в тенденции роста населения в этот период был, несомненно, массовый приток населения с Севера в Южную Корею. Также еще одной причиной такого резкого скачка роста численности населения – это возвращение на родину корейцев, которые покинули страну, уехав в Японию и Китай в период японской оккупации и эпоху Второй мировой войны, а в конце 1940-х гг. вернулись на историческую родину. К 1950-му году в сумме 29 млн (в Южной Корее - 19 млн, в Северной Корее - 10 млн), причем пропорция населения Юга и Севера 2:1 практически не меняется в течении 70 лет. В Южной Корее населения почти точно всегда было в два раза больше, чем в Северной. Сейчас пропорция такая же: Южная Корея – 51 млн чел, а в Северной 25 млн чел [10].

Военные действия в Корее, длившиеся три года (1950-1953), оказали еще большее воздействие на население. Военные потери оценивались в 1,6 млн человек, а общий уровень смертности резко возрос в 1950-1953 годах, составив от 36 до 47 смертей на тысячу человек. После перемирия 1953 года уровень смертности вернулся к довоенному показателю, численность населения Южной Кореи с 1949 г. по 1955 г. увеличилась на 1,5 млн человек [52, с.88].

2.1 Динамика трансформации структуры южнокорейской семьи

Первая волна перемен в корейской семье началась примерно в начале XX века, а в 1960-е гг. эта волна стала более значительной. Первые изменения связаны с японской колониальной экспансией, однако становление независимости Кореи в 1945 г. на изменение семьи почти никак не повлияло, а вот стремительное экономическое развитие, которое началось в 1960-е гг., оказало существенное воздействие на семейные ценности [46, с.2].

С 1910 г. корейские семейные ценности и нормы постепенно начали меняться, и дезорганизация традиционного семейного уклада стала неизбежной. Однако следует отметить, что для семьи темпы изменений были более медленными, чем для других институтов. Здесь утверждается, что корейская семейная система не претерпела серьезных изменений в своем сущностном аспекте в течение японского колониального периода [10].

В традиционном обществе подавляющее большинство страдало от крайне низкого уровня жизни, недоедания и плохого состояния здоровья. В результате смертность, особенно младенческая, была высокой, что, в свою очередь, способствовало формированию у корейцев пронаталистической системы ценностей. Более того, конфуцианская идеология, определяющая образ жизни и мышления, идеализировала патрилинейную расширенную семью, основанную на преемственности через сыновей. В традиционном корейском обществе обычай ранних браков преобладал и был всеобщим, а условия благоприятствовали высокой фертильности. И эта традиционная высокая рождаемость, по-видимому, сохранялась вплоть до аннексии [52, с.88].

Колониальный режим сознательно избегал радикального изменения традиционных обычаев, семейных систем и статусной иерархии корейцев. Социальные новшества, вводимые в процессе колониального господства, в первую очередь направлены на интересы колонизатора, а не на интересы колонизированных. Радикальная трансформация традиционной семейной системы корейцев, лелеявших конфуцианский идеал семейной жизни, была равносильна разрушению в корне корейской социальной структуры. Это не принесло бы никакой пользы японским властям в их колониальном контроле [52, с.88].

В силу таких обстоятельств традиционная семейная система и семейный уклад, составлявшие ядро структуры корейского общества, были относительно менее затронуты колониальной политикой или, в некотором смысле, сознательно защищены генерал-губернаторством Кореи. Например, согласно принятому в 1912 г. колониальной администрацией декрету по гражданским делам, «положение о дееспособности, родстве и наследовании в

Гражданском кодексе Японии не распространяются на корейцев». Что же касается любого конкретного случая, связанного с этими вопросами, то он будет рассмотрен согласно корейскому обычаю» (Пункт 68). Это решение имеет особое значение ввиду того, что все другие правовые нормы были привезены из Японии без особых изменений [5, с.4].

Следовательно, брачные модели не претерпели каких-либо существенных изменений на протяжении всего колониального периода, особенно с точки зрения возраста вступления в брак и его универсальности. Как видно из таблицы 2.4, в период с 1925 по 1940 год брачный возраст для мужчин увеличился с 21,1 года в 1925 г. до 21,8 года в 1940 году, а для женщин – с 16,6 года в 1925 г. до 17,8 года в 1940 г. [52, с.89].

Другими словами, за пятнадцатилетний период брак был отложен чуть менее чем на год для мужчин и примерно на год для женщин. Доля женатых как мужчин, так и женщин в возрасте от 40 до 44 лет составляла почти 99%. На самом деле значительного повышения брачного возраста пришлось ждать до 1955 года. Но даже тогда универсальная модель брака оставалась практически неизменной. Поэтому неудивительно, что в течение рассматриваемого периода сохранялся высокий уровень рождаемости – порядка 40 рождений на тысячу человек. Объяснение незначительного повышения рождаемости в ранние годы можно найти прежде всего в снижении смертности женщин репродуктивного возраста. Создание современных медицинских учреждений и улучшение санитарных условий привели не только к увеличению доли женщин, выживших в репродуктивном возрасте, но и к уменьшению опасности, связанной с беременностью и родами [52, с.89].

Таблица 2.2 – Возраст при первом браке

Год	<i>1925</i>	<i>1930</i>	<i>1935</i>	<i>1940</i>	<i>1955</i>	<i>1960</i>	<i>1966</i>	<i>1970</i>
Муж	21,1	21,2	21,4	21,8	24,7	25,4	26,7	27,2
Жен	16,6	16,8	17,1	17,8	20,5	21,5	22,9	23,3

Примечание: источник [52, с.89, таблица 3].

С другой стороны, небольшое снижение рождаемости во второй половине колониального периода можно объяснить двумя факторами. Во-первых, как указывалось выше, возраст вступления в брак для женщин неуклонно рос на протяжении всего колониального периода, хотя и не был значительным. Увеличение возраста вступления в брак на один год сразу же привело бы к некоторому снижению рождаемости там, где отсутствуют знания о преднамеренном контроле рождаемости и противозачаточных средствах. Во-вторых, в ходе японского вторжения в 1930-х годах на материковый Китай были направлены огромные вооруженные силы. По мере того как война

затягивалась, проблема нехватки рабочей силы в Японии постепенно обострялась. К концу 1930-х годов началась мобилизация корейской рабочей силы на шахты и заводы Японии. Следовательно, принудительная мобилизация корейских мужчин в расцвете лет оказывала кумулятивный эффект на их брак через временное разделение или смерть и тем самым снижала уровень рождаемости [52, с.90].

Нельзя отрицать, что во второй половине колониального периода 1930-1945 годов в Корее произошли существенные социально-экономические преобразования. В этот период урбанизация протекала медленно. Доля населения, проживающего в районе города с 20 000 и более жителей, увеличилась с 4,8% в 1925 г. до 6,9% в 1930 г. и до 16,0% в 1940 г. Но Корея продолжала служить главным поставщиком риса и другого сырья для Японии, оставаясь преимущественно сельскохозяйственной страной, вплоть до конца колониального периода [52, с.90].

С конца тридцатых годов Корея стала довольно важным стратегическим плацдармом для японского проникновения на азиатский континент. Тяжелая промышленность начала расти в Корее, но была в основном сосредоточена на севере страны. Корейцы, занятые в новых отраслях промышленности, были в основном неквалифицированными рабочими [10].

Поэтому весьма сомнительно полагать, что урбанизация и индустриализация при Японском правлении оказали значительное влияние на уровень фертильности корейских женщин. Кроме того, японская демографическая политика в этот период носила пронаталистический характер, влияние которого сильно ощущалось даже в Корее. Это было, пожалуй, неизбежно ввиду того, что Япония остро нуждалась в рабочей силе, чтобы восполнить серьезную нехватку людских ресурсов, возникшую в результате их усилий по победе в войне и созданию «Восточноазиатской сферы процветания». Корейское население, особенно взрослые люди в трудоспособном возрасте, стали рассматривать как источник дополнительных людских ресурсов [10].

Данные переписи, собранные в колониальный период, позволили нам оценить довольно полезные коэффициенты рождаемости за период с 1910 по 1944 год, как показано на таблице 2.3, коэффициент рождаемости неуклонно возрастал с 38 рождений на тысячу всего населения в 1910-1915 гг. до 45 рождений на тысячу в 1925-1930 гг., что является наивысшим показателем. Затем он начал снижаться, достигнув 42 рождений на тысячу в 1940-1945 гг. Тенденции рождаемости в этот период указывают на следующие два момента. Во-первых, в течение всего периода японского контроля общий уровень рождаемости неизменно оставался традиционно высоким – более 40 рождений на тысячу человек. Во-вторых, хотя общий уровень рождаемости находился

на высоком уровне, в первом периоде наблюдалась тенденция к росту, а во втором – тенденция к снижению [52, с.90].

Таблица 2.3 – Коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент воспроизводства населения.

Год	КР (на 1000)	СКР	КВ
1910-1915	38	-	1,17
1915-1920	40	-	1,25
1920-1925	42	-	1,40
1925-1930	45	6,2	1,68
1930-1935	44	6,1	1,77
1935-1940	44	6,2	1,86
1940-1945	42	6,1	1,93
1945-1950	42	6	1,97
1950-1955	40	5,6	-
1955-1960	45	6,3	2,27
1960-1965	42	6	2,19
1965-1970	32	4,6	1,77

Примечание: источник [52, с.90, таблица 2].

После окончания Второй мировой войны в 1945 г. Корея столкнулась с беспрецедентными политическими потрясениями и трудностями, трансформируясь из закрытого общества в открытое. Раздел полуострова привел к поляризации идеологии и дезорганизации экономической жизни в результате распада единой политической и экономической единицы. Также Корейская война, разразившаяся в 1950 г., имела разрушительные последствия для всех сторон корейского общества. В период с 1945 по 1953 год корейцы испытали волнения и потери, которые были беспрецедентными по масштабам и интенсивности в корейской истории и сыграли решающую роль в переориентации образа жизни корейцев. Динамика фертильности, наряду с ценностями и нормами, оказалось не исключением в этом процессе. Влияние Корейской войны на фертильность корейских женщин было четко отражено в общих показателях рождаемости, которые оценивались в 30 рождений на тысячу населения в 1951 г., то есть на второй год войны [52, с.91].

Уровень рождаемости достиг пика в корейской истории в 1955-60 годах. Как показано в таблице 2.3, общий коэффициент рождаемости составлял 45 рождений на тысячу всего населения (только в 1925-1930 гг. этот показатель был сопоставим), суммарный коэффициент рождаемости – 6,3, а чистый коэффициент воспроизводства – 2,27. В 1960 г. естественный прирост населения достиг рекордно высокого уровня – 29 на тысячу человек, что явно указывало на реальность демографического взрыва в Корее и заставляло

университетское окружение обращать свое внимание на серьезную демографическую проблему [10].

Рождаемость достигла своего пика в 1957 г., а затем начала снижаться. Установился военный режим во главе Пак Чонхи после государственного переворота в 1961 г. Корейская экономика, почти полностью разрушенная войной, была восстановлена до довоенного уровня к концу 1950-х гг., а военный режим запустил первый пятилетний экономический план и принял планирование семьи в качестве неотъемлемой части национальной политики в 1962 г. Первая программа по планированию семьи «3-3-35», т.е. рожать не более 3-х детей, интервал между родами не менее 3-х лет, и полностью отказаться от деторождения по достижении 35 лет [10].

В середине 1960-х годов в Корее произошли резкие изменения в показателях рождаемости. Общий коэффициент рождаемости был снижен с 45 рождений на тысячу в 1955-1960 гг. до 41 рождения на тысячу в 1960-1965 гг. и далее до 32 рождений на тысячу в 1965-1970 гг. В 1970 г. коэффициент рождаемости, рассчитанный на основе данных переписи, составлял 31 рождение на тысячу человек. И в то же время было объявлено идеалом семья с двумя детьми. Суммарный коэффициент рождаемости снизился с 6,0 в 1960-1965 годах до 4,6 в 1965-1970 гг. За тот же период чистый коэффициент воспроизводства снизился с 2,19 до 1,77 [52, с.91].

Такое снижение рождаемости в середине 1960-х годов можно объяснить целым рядом факторов. Прежде всего, следует отметить, что планирование семьи было признано национальной политикой в 1962 году. До официального обнародования программы планирования семьи искусственные аборты были в Корее противозаконными и совершались нелегально, а со второй половины 1960-х гг. они стали широко практиковаться [52, с.92].

В 1963 г. Министерство здравоохранения и социального обеспечения разработало десятилетний план программы планирования семьи и поставило задачу снижения темпов естественного прироста населения в год с 2,5 процента в 1966 г. до 2,0 % в 1971 г. Правительство немедленно создало общенациональную сеть организаций и привлекло средства из государственного бюджета и иностранной помощи для осуществления программы [52, с.92].

Различные мероприятия, составляющие программу, проходили быстро. Они включали в себя визиты семей работниками программы планирования, реклама средств планирования семьи через средства массовой информации (создание пропагандистских плакатов), распространение противозачаточных средств, включая ВМС (внутриматочная спираль) и др. В 1964 г. доля замужних женщин в возрасте 15-44 лет, когда-либо использовавших контрацептивы, составляла всего 12 %. В 1967 г. он вырос до 28%, а в 1973 г.

– до 55%. Что касается отношения к использованию контрацептивов, то в 1964 г. их одобрили 89 % тех же женщин, а в 1973 году – 98 %, и только 2 % высказались против. Действительно, эти цифры свидетельствуют о резком изменении поведения и отношения корейцев к рождаемости [52, с.93].

Однако программа планирования семьи не является единственным фактором, определяющим снижение рождаемости. Следует добавить, что причиной этого также является как повышение брачного возраста, так и расширение практики искусственного прерывания беременности. Мы уже упоминали, что возраст вступления в брак для женщин увеличился с 16,6 лет в 1925 г. до 17,8 лет в 1940 г., прирост на один год. После освобождения страны возраст вступления в брак продолжал расти, достигнув 20,5 лет в 1955 г., 21,5 лет в 1960 г., 22,9 лет в 1966 году и 23,3 лет в 1970 году. Что касается мужчин, то в 1940 г. этот же возраст составлял 21,8 года, тогда как в 1955 г. он увеличился до 24,7 года, а в 1970 г. – до 27,2 года [52, с.93].

Традиционный обычай ранних браков трансформировался в обычай поздних браков с главным импульсом, пришедшим из Корейской войны. Эта тенденция действительно оказала значительное влияние на снижение уровня рождаемости. Наконец, наблюдается значительное распространение практики искусственного прерывания беременности. Как показано в таблице 2.4, за десятилетний период с 1963 по 1973 год число случаев искусственного прерывания беременности утроилось. В частности, число аборт на тысячу населения увеличилось с 5 до 12, а число аборт на сотню замужних женщин в возрасте 15-44 лет – с 6 до 30. Следует также отметить, что в связи с растущей тенденцией к практике принудительных аборт в августе 1973 г. был принят закон о здоровье матери и ребенка, который оспаривался на протяжении многих лет, и наконец была обеспечена либерализация искусственного прерывания беременности [52, с.93].

Выше мы рассмотрели те факторы, которые непосредственно способствовали снижению рождаемости в Корее в середине 1960-х гг., а также последние тенденции широкого распространения практики планирования семьи, повышения брачного возраста и расширения практики искусственных аборт.

Таблица 2.4 – Количество искусственных аборт, количество аборт на 1000 человек населения и на 100 замужних женщин.

Год	Кол-во аборт	Кол-во аборт на 1000 человек	Кол-во на 100 замужних женщин
1963	139	5	6
1964	168	6	7
1965	210	6	11

1966	246	8	13
1967	258	9	14
1968	268	9	15
1969	307	9	19
1970	333	10	22
1971	327	11	26
1972	375	11	27
1973	390	12	30

Примечание: источник [52, с.93, таблица 6].

В 1970 г. суммарный коэффициент рождаемости в Корее составлял 4,53 – очень высокий уровень по сравнению с другими странами Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В 1981 г. правительство, воодушевленное своими успехами до этого момента, поставило цель обеспечить рождаемость на уровне двух детей. Эта цель с двумя детьми была достигнута на удивление быстро: к 1983 г. показатель сократился более чем вдвое, до 2,06, 1984 г. общий коэффициент фертильности снизился до 1,74, а в 1990 г. уже составлял 1,59. Однако после 1983 г. программу по планированию семьи закрыли. В то же время, в связи с этим рождаемость продолжала падать. 1985-2000 гг. рождаемость продержалась примерно на 1,5 ребенка, и в 2005 г. коэффициент фертильности упал до 1,1 рождения на женщину. Началась легкая демографическая паника, и после правительство в 2005 г. разработала президентскую программу стимулирования рождаемости, которая включала в себя пособия для беременных, субсидии семьям с маленькими детьми, бесплатные детские сады. На эту программу за последние 15 лет корейское правительство потратило около 130 млрд долларов с планом, что к 2020 г. они смогут поднять коэффициент от 1,1 до 1,5 рождения, а в итоге к 2019 г. показатель упал до 0,9, что является самым низким уровнем среди всех стран ОЭСР [68].

Если старение будет продолжаться в соответствии с современными тенденциями, это окажет огромное влияние на корейскую экономику и общество. Согласно демографическим прогнозам для Кореи на 2015-2065 гг., которые были составлены статистическим управлением Кореи с использованием данных переписи населения и жилищного фонда 2015 г. общая численность населения Кореи вырастет с 51,01 миллиона человек в 2015 году до 52,96 миллиона в 2031 г., а затем впоследствии сократится. Как видно из рисунка 2.5, пик общей численности населения может наступить несколько раньше или позже, в зависимости от составляющих изменения численности населения, но совершенно очевидно, что через определенный промежуток времени общая численность населения начнет сокращаться.

Численность трудоспособного населения Кореи (15-64 года) достигнет пика в 37,63 миллиона человек в 2016 г., а затем быстро сократится. Это означает, что население трудоспособного возраста, или, другими словами, рабочая сила, начнет сокращаться гораздо раньше, чем общая численность населения.

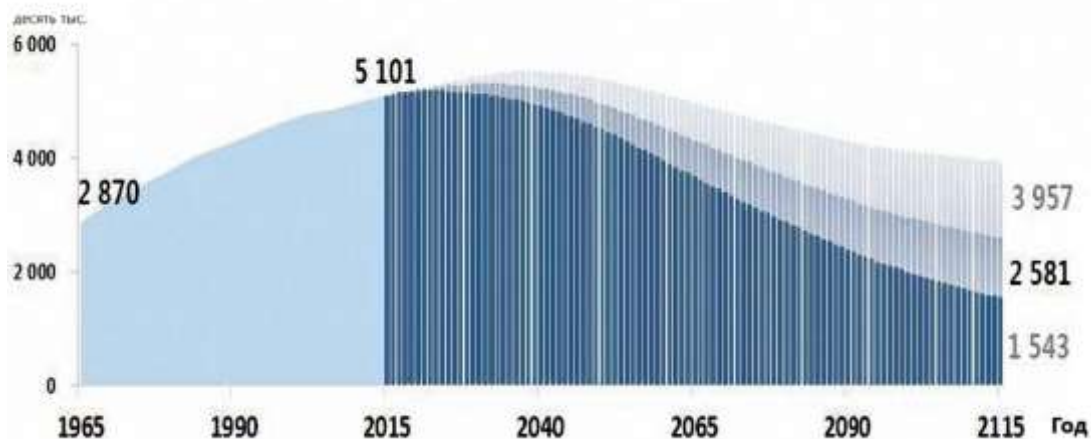

Рисунок 2.1 – Демографические прогнозы для Республики Корея, 1965-2115 гг. [70, с.76, рисунок 1].

Уменьшение численности населения трудоспособного возраста приводит к уменьшению коэффициента потенциальной поддержки (КПП), или, другими словами, отношения численности населения трудоспособного возраста к численности населения пожилого возраста, рассчитанного исходя из предположения, что численность населения трудоспособного возраста (в возрасте 15-64 лет) поддерживает численность населения пожилого возраста (в возрасте 65 лет и старше). Это, вероятно, замедлит потенциальные темпы экономического роста: если говорить более точно, люди будут потреблять меньше, и экономика потеряет свою жизнеспособность [70, с.76].

Корейское правительство приняло программы, призванные предотвратить кризис старения населения, но их результаты были скудными. Со времени президентства Ким Дэчжуна (1998-2003 годы) был создан правительственный комитет, которому было поручено разработать меры противодействия старению населения, и с тех пор поэтапно осуществлялся базовый план по снижению рождаемости и старению общества, разработанный в 2006 году. Правительство потратило 42,2 трлн вон в течение пяти лет на первом этапе и 56,5 трлн вон в течение трех лет на втором, который начался в 2011 году, но уровень рождаемости остается очень низким [70, с.77].

Несмотря на широкомасштабные усилия правительства по преодолению низкой рождаемости путем создания основы для ухода за детьми, усиления стимулов для корпораций и поощрения родителей брать отпуск по уходу за детьми, общий коэффициент рождаемости в Корее за последнее

десятилетие составил 1,3, оставив ее на самом дне среди государств-членов ОЭСР [68].

Можно выделить несколько **причин** низкой рождаемости:

- женщины вступают в брак в более старшем возрасте и имеют более высокий социальный статус благодаря более высокому уровню образования и более широкому участию в экономической деятельности. В результате доля женщин, которые выходят замуж позже или вообще не выходят, постепенно растет.

- изменение отношения к рождению детей. Люди, скорее всего, предпочтут иметь мало детей и хорошо их воспитывать. Кроме того, расходы на воспитание и образование детей стали бременем, создающим стимул иметь меньше детей.

- эффект замедления экономики. Одна корейская газета ввела термин «поколение *сампхо*» (삼포세대 (三抛世代)), означающий поколение, которое отказывается от трех вещей. Это поколение, по словам газеты, состоит из «молодых людей, которые на неопределенный срок отложили или даже отказались от романтики, брака и родов из-за нестабильной работы, непогашенных студенческих кредитов, бесконечного поиска работы и дорогой стоимости жизни, включая высокие цены на жилье». В условиях сдерживаемых расходов и стагнации внутренней экономики молодые корейцы откладывают рождение детей или вообще отказываются от этой идеи.

- корейцы могут рассматриваться как стратегически избравшие «низкую рождаемость» или «детскую забастовку» в попытке выжить в экстремальной конкуренции за выживание в корейском обществе. Когда риск и тревога возрастают в обществе, люди склонны делать выбор, который минимизирует этот риск и тревогу. Это означает, что индивиды с большей вероятностью предпочтут выживание через конкуренцию на рынке рождению детей.

- необходимо также отметить, что низкая рождаемость – это современное социальное явление, которое большинство стран переживает в начале XXI века. Явления низкой рождаемости и обусловленного этим старения населения наблюдаются не только в развитых странах Запада, но и в ряде развивающихся стран Азии, таких как Таиланд, Китай и Вьетнам [67].

Низкая рождаемость должна рассматриваться как результат не какой-то одной причины, а комбинации причин. Поэтому очевидно, что проблема старения населения не может быть решена с помощью краткосрочных мер, таких как введение налога на холостяков или проведение кампаний по стимулированию деторождения. Крайне важно, чтобы общество в целом

работало над выявлением структурных и индивидуальных причин низкой рождаемости и устранением препятствий к деторождению [67]

В 2010-2018 гг. Корея наслаждается эффектом демографического дивиденда, или бонуса. Демографический дивиденд – это благоприятный экономический эффект от увеличения численности трудоспособного населения, что снижает затраты на содержание молодых и пожилых людей. В настоящее время численность трудоспособного населения Кореи продолжает расти. Но согласно демографическим прогнозам для Кореи на 2015-2065 гг., опубликованным статистическим управлением Кореи, демографический дивиденд Кореи скоро закончится. Численность населения трудоспособного возраста в Корее достигнет пика в 2018 году и после этого быстро сократится. Это приведет к исчезновению демографического бонуса, который будет замещен демографическим бременем, т.е. население станет бременем для экономики [70, с.77].

С этого момента влияние старения населения постепенно станет более ощутимым. Смертность будет продолжать снижаться, что еще больше ускорит старение. Резкое повышение уровня рождаемости в будущем, безусловно, может обратить вспять тенденцию старения, но эффект этого изменения не станет ощутимым по крайней мере в течение двадцати лет. Если фертильность сохранится на нынешнем уровне или упадет еще ниже, это еще больше ускорит тенденцию старения. Изучение нынешнего уровня рождаемости и смертности в Корее показывает, что было бы очень трудно обратить вспять тенденцию старения в краткосрочной или среднесрочной перспективе. Если это так, то иммиграция – единственный способ уменьшить тенденцию старения населения и выиграть время для демографической перестройки [70, с. 77].

Таким образом, корейские брачные модели не претерпели каких-либо существенных изменений на протяжении всего колониального периода. Программа планирования семьи 1962 г. не является единственным фактором, определяющим снижение рождаемости. Следует добавить, что причиной этого также является как повышение брачного возраста, так и расширение практики искусственного прерывания беременности. Однако после 1983 г. программу по планированию семьи закрыли, однако рождаемость продолжала падать. Численность трудоспособного населения Кореи (15-64 года) достигла пика в 37,63 миллиона человек в 2016 г., а затем быстро сократится. Причины низкой рождаемости можно выделить следующие: «поколение сампхо», участие женщин в экономике страны, изменение отношения к рождению детей, повышение уровня жизни. Смертность будет продолжать снижаться, что еще больше ускорит старение населения.

2.2 Миграционная политика Республики Корея

Иммиграция в Южной Корее началась сразу после освобождения Кореи от японской оккупации. При военном руководстве США в 1946 году в Корее было принято «Положение о контроле за въездом и выездом из Южной Кореи». Позже, после образования Республики Корея, на смену ему пришел «закон об иностранном въезде, выезде и регистрации», принятый в 1949 году. В 1963 году правительство приняло «закон об иммиграционном контроле», который заложил основу для современной иммиграционной политики [71].

В 60 – 70 годах XX века миграционная политика Кореи была особенно сосредоточена на облегчении вывоза внутренних трудовых ресурсов, таких как строители, шахтеры, медсестры и фермеры, которые в конечном счете способствовали экономическому развитию страны, зарабатывая иностранную валюту [70, с.80].

Таблица 2.5 – Миграционная тенденция в Республике Корея после создания правительства.

<i>Миграция из Республики Корея (1960-1990-е гг.)</i>	<i>Иммиграция в Республику Корею (1990-2003)</i>	<i>Рост числа иностранных резидентов (с 2004 г. до настоящего времени)</i>
<ul style="list-style-type: none"> • шахтеры, медсестры в Западную Германию (ФРГ) • строители в страны Ближнего Востока • эмигранты на постоянное место жительства в США, Канада, Австралия и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • Система обучения промышленным технологиям (산업기술연수제도) • Поток брачных мигрантов из Китая, Японии, Юго-восточной Азии 	<ul style="list-style-type: none"> • Система выдачи разрешений на трудоустройство (고용허가제) • Увеличение числа брачных мигрантов • Начало приема высококвалифицированной рабочей силы

Примечание: источник[87].

Начиная с 1990-х годов Республика Корея ежегодно принимает десятки тысяч иностранных граждан. По состоянию на март 2015 года правительство Республики Корея зарегистрировало 1 813 037 лиц иностранного происхождения, проживающих в Корее, включая студентов, белых воротничков, трудящихся-мигрантов в низкобюджетных отраслях промышленности и сфере услуг, работников без документов и “иностраннных невест”. В 2014 году документированные (легальные) работники составили 503 135 человек, а вместе с ними, по оценкам, 64 507 недокументированных

работников составляют работников преимущественно 3D-отраслей (грязных, опасных, сложных) и низкобюджетных секторов услуг [71, с.12].

В настоящее время более трех из ста жителей Кореи являются выходцами из других стран, что является впечатляющим демографическим изменением по сравнению с 1990 годом, когда в Корее проживало менее 50 000 иностранцев, что составляет 0,1 процента населения страны. Ожидается, что к 2020 году они составят около пяти процентов от общей численности населения и 10 процентов к 2030 году, что сопоставимо с долей иммигрантов и многонационального населения в некоторых европейских обществах сегодня [71, с.12].

С 1987 г. Корея перешла на путь демократизации страны, но это было также время, когда международная миграция в корейском обществе изменила направление. С этого времени число корейцев, выезжающих за границу, быстро сократилось, хотя число иностранцев, приезжающих в страну, резко возросло. В 1980-х годах корейское правительство в основном не проводило никакой политики в отношении прибывающих мигрантов, и в результате большинство иностранцев в то время стали рабочими мигрантами без документов. В начале 1990-х годов корейское правительство обдумывало вопрос о том, следует ли разрешать иностранным рабочим мигрантам легально въезжать в страну [46].

Когда Южная Корея положила конец своей диктатуре, и экономика стабилизировалась в конце 1980-х и начале 1990-х годов, приток иностранцев увеличился, превратив Южную Корею из страны эмиграции в зарождающуюся иммиграционную нацию. Число трудовых мигрантов выросло с 461 в 1980 году до 495 529 в 2011 году [25]. Большинство приезжало из Китая, Вьетнама и Филиппин, и эти в основном низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие брали на себя грязную, опасную или трудную работу в стране, на которую корейцы шли крайне неохотно. Нехватка рабочей силы была также связана с растущей обеспокоенностью по поводу снижения рождаемости на 1,6 ребенка на одну женщину в 1990 г. Изменение демографической ситуации и мрачные перспективы будущего неизбежно привели к более серьезному подходу к разработке иммиграционной политики [14].

В ответ на растущий спрос на рабочую силу со стороны малых и средних предприятий обрабатывающей промышленности эта система была интегрирована в 1993 году в более крупномасштабную под названием «Система обучения промышленным технологиям» (산업기술연수제도), которая позже была дополнена и переименована в «Систему выдачи разрешений на трудоустройство» (고용허가제) [24].

Первая значительная волна миграции была связана с рабочими из бедных стран, преимущественно из Азии, которые были приглашены корейским правительством через «Систему обучения промышленным технологиям» в начале 1990-х гг. [71, с.14].

Вторая волна была вызвана корейской «Системой выдачи разрешений на трудоустройство», введенной в 2004 г., предоставила статус работника иностранцам из пятнадцати стран Юго-Восточной и Центральной Азии. На веб-сайте системы выдачи разрешений на трудоустройство говорится, что эти разрешения «позволяют работодателям нанимать иностранных работников в таких отраслях, где ощущается нехватка рабочей силы, как сельское хозяйство и животноводство, рыболовство, строительство и производство с менее чем 300 постоянными рабочими. Эта система допускает максимальный трехлетний срок найма с возможностью однократного продления контракта на два года (по просьбе работодателя) и дает право работникам на защиту в соответствии с корейским трудовым законодательством и страхованием от несчастных случаев на производстве [71, с.14].

Цель состояла в том, чтобы упорядочить работу иностранных рабочих, снизив их склонность покидать назначенные им рабочие места в поисках большей мобильности и оплаты труда (тем самым увеличив число незарегистрированных работников). Это было серьезной проблемой для корейского правительства и работодателей в рамках системы обучения. Как и в других странах, в результате просрочки туристических или студенческих виз, или вследствие ухода с определенного места работы без разрешения сохраняется незарегистрированное («нелегальное») рабочее население [71, с.15].

Третья волна включает в себя в основном женщин, которые формально иммигрируют в Корею в качестве жен и создают семьи с корейскими мужчинами, на которых они женятся. Корейские мужчины, которые являются сельскохозяйственными рабочими, частью городской бедноты или холостяками из низшего класса или разведенными, испытывают трудности с поиском кореянок для вступления в брак, и поэтому нанимают брачные агентства или «брокеров», чтобы найти себе супругу. Мужчины, как правило, значительно старше женщин, и пары, как правило, не могут общаться на общем языке и имеют мало, или вообще не понимают личности друг друга в условиях жизни. Китай является крупнейшей страной поставки жен для корейцев, за ним следует Вьетнам; женщины также прибывают из Филиппин, Монголии, Таиланда, Узбекистана, Казахстана и некоторых стран Восточной Европы. Министерство по делам женщин и семьи Республики Корея 26 февраля 2013 года опубликовало «Результаты проверки состояния многонациональных семей по всей стране на 2012 год». По результатам опроса

в стране проживают 266 547 многонациональных семей, количество брачных мигрантов и натурализованных граждан – 283 224 человека, количество супругов – 234 505 человек, количество детей в возрасте 9-24 года – 66 534 человека [68]. Сегодня в Корее насчитывается более 820 000 человек, принадлежащих к многокультурной семье, и эта цифра более чем удвоилась за последние восемь лет [61].

Брачная миграция облегчается центральными и местными органами власти. Это одна из очень немногих категорий иммигрантов, которая обещает ускоренный путь к постоянному проживанию и натурализованному гражданству. Хотя Южная Корея проводит ограничительную иммиграционную политику, но эта группа выделяется из-за своей способности удовлетворить жизненно важную социальную и экономическую потребность: компенсировать «нехватку невест» среди корейских граждан и увеличить число корейцев, родившихся в стране [68].

В феврале 2014 года в Республике Корея проживало около 300 000 иностранных супругов (в основном женщин) корейцев, около половины из которых имели иностранные паспорта, а половина стала натурализованными гражданами Республики Корея. В сельских районах около 40 % новых браков в год заключаются между Корейским мужчиной и женщиной иностранного происхождения. В отличие от иностранных рабочих, брачные мигранты (женщины) должны постоянно проживать в Южной Корее, воспитывать детей, заботиться о своих родителях и ассимилироваться в корейском обществе. Газета «Korea Times» резюмировала изменение демографической ситуации в двух словах: «учитывая, что каждый десятый кореец связывает себя узами брака с иностранцем, а число детей от таких браков с 2010 года превысило 20 000 в год, стало практически невозможно определить корейское общество без их учета» [47].

Миграция значительной группы – «иностранцев невест» или «брачных мигрантов» – была единственным исключением из ограничительной иммиграционной политики РК, и правительство содействовало брачной миграции на Центральном и местном уровнях. Сочетание крайне низкого уровня рождаемости среди коренных жителей (самого низкого среди всех стран ОЭСР – 1,19) и самого быстрого старения населения в ОЭСР стало угрожающей угрозой для экономической производительности, социальной стабильности и численности Вооруженных сил [71, с.16].

Демографический кризис хорошо понимают корейские лидеры. Исследование, проведенное по заказу Национального Собрания, показало, что южнокорейцы могут «столкнуться с естественным вымиранием к 2050 г., если уровень рождаемости будет поддерживаться на уровне 1,19 ребенка на женщину – при условии отсутствия воссоединения с Северной Кореей или

значительного притока мигрантов». В отличие от резкого сокращения в возрастной группе коренных жителей 9-24 лет, число мультикультурных подростков увеличилось более чем на 21 % с 2013 по 2014 год [71, с.17].

Ожидается, что общая численность рабочей силы Южной Кореи достигнет пика в 2016-2018 гг., а затем сократится; экономический рост сократится до 2,5 % в 2050 г. по сравнению с 4,2 % в 2011 г. В 2014 г. Корейский институт экономических исследований опубликовал доклад, в котором пришел к выводу, что продолжение и увеличение иммиграции является единственным жизнеспособным способом поддержания адекватной рабочей силы и экономического роста (4,3 миллиона к 2030 г.; 11,8 миллиона к 2050 г.; 15,3 миллиона к 2060 г.) [70, с.78].

В секторе безопасности военные чиновники формулируют будущую численность войск на основе сокращения числа потенциальных новобранцев и планируют сокращение числа солдат с 552 000 до 387 000 к 2020 году. 15 февраля 2012 года закон об обязательной военной службе был изменен, чтобы увеличить резерв кандидатов и отразить растущую неоднородность населения; язык, подчеркивающий этнонационализм («служение нации и этничности»), был исключен и заменен на «служение нации и ее гражданам» [71, с.20].

Закон официально признал многонациональную армию Республики Корея, требуя, чтобы все граждане мужского пола, независимо от этнического происхождения, выполняли обязательную военную службу, ожидаемую от всех трудоспособных корейских мужчин. До этого пересмотра закон освобождал мужчин, которые явно имеют фенотипические (физические) особенности, отражающие смешанную расу, от выполнения обязательной службы [83].

Необходимость в миграции иностранных женщин также отражает изменения в приоритетах корейских женщин в отношении брака. Женщины из сельской местности мигрируют в города в поисках работы и мужей с хорошим доходом. Также они избегают холостяков среднего возраста или разведенных мужчин, ищущих себе жен. В целом женщины менее заинтересованы в браке, чем когда-либо прежде: в опросе 2361 студента колледжа 47 % женщин не считают брак необходимым [88].

Таким образом, продолжение и увеличение иммиграции является единственным жизнеспособным способом поддержания адекватной рабочей силы и экономического роста. Также брачная миграция занимает особое место, поскольку цель корейского правительства – компенсировать «нехватку невест» среди корейских граждан и увеличить число корейцев, родившихся в стране. Признание многонациональной армии и принятие на службу мужчин из мультикультурных семей – попытка компенсировать нехватку численности военнослужащих (корейцев) в связи с демографическим кризисом.

2.3 Рост международных браков

В 1990 году было всего 619 международных браков. Однако в период с 1990 по 1999 год их число начало расти и к началу 2000-х годов международные или «мультикультурные браки» начали набирать обороты. В 2001 году их число составляло 15 234, а к 2005 году (пиковый год) в стране насчитывалось 42 356 международных браков, что составляло 13,6%—примерно каждый седьмой—от всех браков в Корее в том году [26].

Таблица 2.6 показывает, что в 2010 году 10,5% всех браков в Корее заключались между корейцами и супругами иностранного происхождения; 76,7% международных браков заключались между корейскими мужчинами и женщинами иностранного происхождения. По состоянию на 2012 год число женщин-брачных мигрантов оценивалось в 197 000 человек, что составляет 14 % от 1,4 миллиона всех мигрантов [44, с.460].

Таблица 2.6 – Общее количество браков и международных браков в Южной Корее, 1990– 2020 гг.

	Общее число браков	Международные браки	% от общего числа браков	Жены-иностранки	% международных браков, где жена иностранка	Муж-иностранец	% международных браков, где муж иностранец
1990	399 312	4 710	1,1	619	13,1	4 091	86,9
1995	398 484	13 494	3,4	10 365	76,8	3 129	23,2
2000	332 090	11 605	3,5	6 945	59,8	4 660	40,2
2005	314 304	42 356	13,5	30 719	72,5	11 637	27,5
2010	326 104	34 235	10,5	26 274	76,7	7 961	23,3
2015	302 858	21 274	7	14 677	68,9	6 597	31
2020	213 502	15 341	7,1	11 100	72,4	4 241	27,6

Примечание: источник [44, с.460, таблица 1]. *Таблица дополнена информацией за 2015 и 2020 гг. [81].*

Из таблицы 2.7 видно, что большинство брачных мигрантов в Корее – выходцы из Китая, за которым следует Вьетнам. В 2001-2010 годах на долю филиппинцев приходилось в среднем около 5,5% всех международных браков. Международные браки более заметны в сельских районах, где с середины 2000-х годов треть браков приходится на женщин-мигрантов [3344, с.468].

Филиппинки активно участвуют в миграционных потоках в поисках работы и брака с конца двадцатого века. Благодаря стратегии филиппинского правительства по экспорту рабочей силы они работали в качестве домашней прислуги и артистов; многие также стали брачными мигрантами. В Корее филиппинки были отмечены как первые «иностранские невесты» [54, с.168].

Таблица 2.7 – Количество зарегистрированных браков с иностранцами в Южной Корее по национальности, 2000-2010 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010

Международные браки	11 605	14 523	15 202	24 776	34 640	42 356	38 759	37 560	36 204	33 300	34 235
кореец+жена-иностранка	6 945	9 684	10 698	18 751	25 105	30 719	29 665	28 580	28 163	25 142	26 274
Китай	3 566	6977	7 023	13 347	18 489	20 582	14 566	14 484	13,203	11 364	9 623
Вьетнам	77	134	474	1 402	2 461	5 822	10 128	6 610	8,282	7 249	9 623
Филиппины	1 174	502	838	928	947	980	1 117	1 497	1,857	1 643	1 906
Япония	819	701	690	844	809	883	1 045	1 206	1,162	1 140	1 193
Камбоджа	1	2	2	19	72	157	394	1 804	659	851	1 205
Таиланд	240	182	327	345	324	266	271	524	633	496	438
США	231	262	267	322	341	285	331	376	344	416	428
Другие	773	806	883	1 224	1 158	1 183	1 219	1 334	1 502	1 597	1 532
корейнка+муж-иностранец	4 660	4,839	4 504	6 025	9 535	11 637	9 094	8 980	8 041	8 158	7 961
Япония	2 630	2 664	2 032	2 250	3 118	3 423	3 412	3 349	2 743	2 422	2 090
Китай	210	222	263	1 190	3 618	5 037	2 589	2 486	2 101	2 617	2 293
США	1 084	1 113	1 204	1 222	1 332	1 392	1 443	1 334	1 347	1 312	1 516
Канада	150	164	172	219	227	283	307	374	371	332	403
Австралия	78	78	90	109	132	101	137	158	164	159	194
Другие	326	372	450	723	779	993	794	922	939	936	1 050

Примечание: источник [81].

Важно отметить, что значительное увеличение числа международных браков не отражает вновь обретенной открытости к чужим культурам. Напротив, увеличение числа брачных мигрантов является результатом целого ряда пересекающихся факторов, наиболее заметным из которых является демографический. Существует нехватка «женщин на выданье» для определенных групп корейских мужчин — в частности, для никогда не женатых мужчин в сельской местности и ранее женатых (разведенных или овдовевших) или инвалидов с «низким социально-экономическим статусом» в городских районах. В сельских районах Кореи особенно остро ощущается нехватка женщин, способных выйти замуж, поскольку многие сельские женщины вступают в брак с городскими жителями или просто покидают сельские районы. В результате этого дисбаланса в 2007 году на долю международных браков приходилось 40% всех браков среди мужчин, занятых в сельском хозяйстве. Другим важным фактором является экономический разрыв между Южной Кореей и странами, откуда «брачные мигрантки» родом. Этот разрыв отражает более обобщенное явление — также известное как *глобальная гипергамия* — при котором женщины из более бедных стран

(таких как Вьетнам, Филиппины, Китай и другие страны Южной и Юго-Восточной Азии) переезжают в экономически более богатые страны в качестве «брачных мигрантов». Существует также ряд других критически важных факторов, включая роль корейского государства, и брачных агентств (например, брачных брокеров и международных агентств по «сватовству») [54, с.169].

В 2000-е гг. все большее число корейских мужчин, особенно занятых в сельском хозяйстве или рыболовстве, женились на женщинах из Юго-Восточной или Центральной Азии. Тенденция несколько уменьшилась на фоне резко сокращающегося числа молодых рабочих-мужчин в сельских регионах по всей стране. Однако показатель 2020 года стал самым низким за пять лет с 2016 по 2020 год и вторым по величине за 18 лет с 2003 по 2020 год [1].

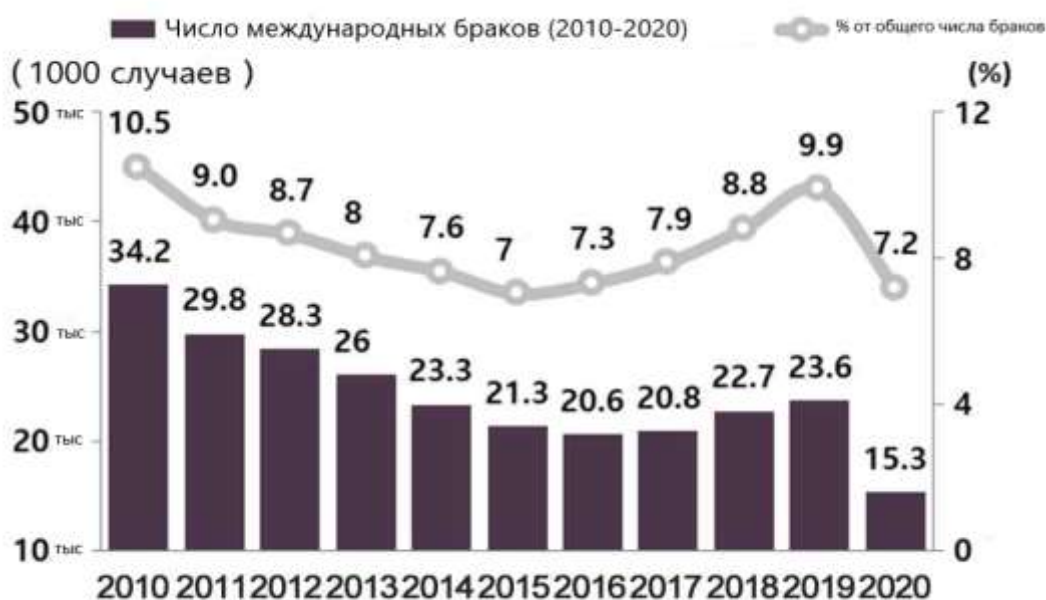

Рисунок 2.2 – Число международных браков 2010-2020. [81].

Резкое снижение связано с жесткими ограничениями на передвижение за границу из-за COVID-19. Некоторые аналитики прогнозируют, что процент международных браков увеличится в ближайшие годы, указывая на постоянный рост иностранного населения Кореи и неуклонное сокращение общей численности населения с конца 2019 года. Количество иностранных граждан в Корее, как долгосрочных жителей, так и краткосрочных посетителей, было 2,05 млн в декабре 2016 года, 2,18 млн – 2017 г., 2,37 млн – 2018 г. и 2,52 млн – 2019 г. [1].

Таким образом, в начале 2000-х гг. существовала острая нехватка невест в сельских районах Южной Кореи, поскольку многие сельские корейские женщины вступали в брак с городскими жителями или просто покидали

сельские районы. Мужчины, особенно занятых в сельском хозяйстве или рыболовстве, женились на женщинах из Юго-Восточной или Центральной Азии. Большинство брачных мигрантов в Корее – выходцы из Китая, Вьетнам и Филиппин. Важным фактором в увеличении числа иностранных невест является поддержка государства и *глобальная гипергамия* — при котором женщины из более бедных стран (таких как Вьетнам, Филиппины, Китай и другие страны Южной и Юго-Восточной Азии) переезжают в экономически более богатые страны в качестве «брачных мигрантов».

Подводя итоги можно отметить, что корейские брачные модели не претерпели существенных изменений на протяжении колониального периода. Однако программа планирования семьи в начале 1960-х гг., повышение брачного возраста, расширение практики искусственного прерывания беременности стали факторами, определяющим снижение рождаемости. Однако после 1983 г. программу по планированию семьи закрыли, однако рождаемость продолжала падать. Численность трудоспособного населения Кореи (15-64 года) достигла пика в 2016 г., а затем быстро сократится. Смертность будет продолжать снижаться, что еще больше ускорит старение населения. Поэтому иммиграция является единственным жизнеспособным способом поддержания адекватной рабочей силы и экономического роста. Брачная миграция занимает особое место, поскольку цель корейского правительства – компенсировать «нехватку невест» среди корейских граждан и увеличить число корейцев, родившихся в стране. Большинство брачных мигрантов в Корее – выходцы из Китая, Вьетнам и Филиппин.

ГЛАВА 3 КОРЕЙСКАЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Национальная идентичность Кореи в первую очередь этническая, и это отражено в корейском национальном праве, истории, старых и новых формах национализма. По данным Ли Чхольу [51], Корейское законодательство о гражданстве может рассматриваться с позиции «права крови» – гражданство по родословной, а некоторых странах гражданство предоставляется по месту рождения («право почвы»). В корейском случае гражданство, как и национальная идентичность, можно рассматривать в первую очередь как этническое, и Ли объясняет это первым Законом о гражданстве, принятый в 1948 году, давал право на гражданство по рождению всем людям, чей отец был гражданином Республики Корея (имелось в виду в колониальной Корее или Чосон). Этот закон подразумевал, что историческое корейское государство никогда не прекращало своего существования, более того, он предоставлял гражданство по праву рождения всем людям, чей отец был гражданином старой Кореи, то есть включал и северокорейцев. Из этого закона становится очевидным, что Корея изначально представляла свою национальную идентичность и гражданство в этническом плане. Кроме того, поскольку гражданство можно было получить только через отца, Корея рассматривала свою национальную идентичность и гражданство как патриархальные, но позже эта концепция государственности была оспорена, и пересмотр Закона о гражданстве 1998 года привел к серьезным изменениям, в результате которых гражданство стало передаваться и по материнской линии. Это изменение может быть истолковано как улучшение положения женщин, а упадок патриархата, однако, нельзя рассматривать как отступление от кровного родства [51, с.85].

В настоящее время можно получить корейское гражданство путем натурализации, и это можно назвать вызовом этнической концепции корейской нации. Право на натурализацию обычно предоставляется женам-иностранкам. Иностранские жены имеют право на натурализацию через брак, то есть они имеют право подать заявление на постоянное место жительства, а затем на натурализацию после того, как они вступили в брак с корейским мужчиной в течение нескольких лет. Таким образом, их право на гражданство предоставляется не по крови, а по принадлежности к семье и материнству. Другими словами, они получают законное гражданство как корейские жены и матери корейских граждан. Помимо иностранных жен, корейцы, проживающие в США, также имеют право на корейское гражданство, и с 2010 года они могут иметь двойное гражданство. Однако их случай не оспаривает, а подтверждает концепцию национальной идентичности и гражданства как этнической, а не гражданской [71, с.23].

При рассмотрении типов виз и вытекающих из них прав можно говорить об иерархическом гражданстве. Люди, имеющие корейский паспорт: коренные корейцы, натурализованные корейцы и люди с двойным гражданством находятся на самом высоком уровне. За ними следуют постоянные жители, т.е. люди, владеющие визой F5, имеют почти те же права, что и коренные корейцы, за исключением права голоса на национальных выборах¹. После следуют иммигранты с визами F-4, они имеют наилучший правовой статус. Обычно эта виза выдается этническим корейцам из-за рубежа, и она дает им права на осуществление экономической деятельности, проведение финансовых операций и сделок с недвижимостью, национальное медицинское страхование и т. д. Однако эту визу приходится продлевать каждые несколько лет, и она часто выдается американцам корейского происхождения, высококвалифицированным *чосонджокам* (корейцы, проживающие в Китае) и высококвалифицированным *корёинам* (корейцы из стран СНГ [51, с.86].

Существуют также другие типы виз F, такие как виза F-6, выдаваемая брачным мигрантам до получения права на постоянное проживание или натурализацию, виза F-1 для воссоединения семьи и т. д. Здесь «F» - это аббревиатура семьи из английского языка, и эти визы считаются самыми выгодными в корейской визовой системе. Существуют также визы «E», и «E» в данном случае означает трудоустройство, так, например, визы E-9 выдаются иностранным рабочим по системе EPS², E-1 – иностранным профессорам, E-2 – преподавателям иностранных языков и т. д. E – визы предлагают более слабую правовую защиту и более слабые права по сравнению с F-визами. Это связано с тем, что они считаются временными, и в случае смены работы или расторжения трудового договора эта виза может быть аннулирована. Помимо виз E, существуют и другие визы временного характера; визы D обычно выдаются для получения образования, визы C – для туристов и деловых людей, визы H – для семейного визита и т.д. Корейская визовая система отдаёт предпочтение соплеменникам, таких как *чосонджок*, корейские американцы, *корёин* и др., по сравнению с неэтническими корейцами [69].

Таким образом, можно сделать вывод об иерархической государственности в Корее. Иерархическая государственность достигается путем предоставления преимущественного правового статуса соплеменникам, и это доказывает влияние этничности в концепции корейской государственности.

¹ Национальные выборы относятся к всеобщим выборам в Национальное собрание и президентским выборам

² Employment Permit System – Система выдачи разрешений на трудоустройство (고용허가제)

3.1 Государственная политика в отношении мультикультурализма (начало 2000-х гг.)

Иммиграция началась в 1990-е годы, однако только в начале 2000-х годов правительство и общественность начали использовать термин «мультикультурализм». Мультикультурализм первоначально использовался как противопоставление корейской однородности и единой этнической принадлежности, а не как указание на реальное принятие культурного разнообразия. Это также видно в понятии *чистой крови* (순혈), которое все еще резонирует со многими корейцами и указывает на то, что корейская моноэтничность более почетна и культурно превосходит смешанную кровь, которая означает людей с одним корейским и одним иностранным родителем. Поэтому термин «мультикультурная семья» был создан для того, чтобы предложить более политкорректную версию терминов «международная брачная семья», «семья с двойной культурой», «смешанная кровь» и т. д. [38, с.101].

Мультикультурная политика часто считается отражением либеральной демократии в Южной Корее с момента ее институционального основания в 1987 году. Такая точка зрения основана на продвижении программ межкультурного образования, изменениях в иммиграционном законодательстве и продвижении программ «терпимости» и «принятия» людей из разных культур, которые по определению имеют разные культурное мировоззрение, но проживают в суверенном южнокорейском государстве. Для правящей консервативной партии *Ханнара* (한나라당) южнокорейский национализм и демократия фундаментально связаны с доктриной неолиберализма, которая относится к потоку экономической рабочей силы мигрантов и мобильному глобальному капиталу. Эта глобальная среда также требует государственной политики по привлечению иностранных мигрантов и рабочих в экономику и общество Южной Кореи [43, с.8].

Мультикультурализм – это реакция государства на глобальные изменения. Политика мультикультурализма определяет настоящее и будущее экономики, безопасность и культурную национальную мощь Южной Кореи. Иан Ватсон [77] в своей работе предполагает, что на самом деле партия Ханнара рассматривала мультикультурализм как инструментальную политику усиления национальной государственной власти в глобальной среде. Реальность сохраняющегося неравенства для мигрантов остается по мере того, как они сталкиваются с проблематичными культурными установками, дискриминацией и расизмом. Во-первых, идеологическое создание видимости государственного мультикультурализма идеологически скрывает продолжение этих неравенств и исключений. Во-вторых, государственный

мультикультурализм – это целесообразная политика культурной ассимиляции в привилегированную и однородную корейскую культуру. В-третьих, управляемый государством мультикультурализм движим чувством «необходимости быть», а не «желания быть» мультикультурным. Это происходит потому, что существует тонкая грань между необходимостью продвигать Южную Корею как демократическое и республиканское государство, с одной стороны, и поддерживать реальную и воспринимаемую культурную и расовую однородность Южной Кореи – с другой [77, с.338].

Южнокорейский национализм исторически подчеркивал этническую и расовую принадлежность. Такой взгляд на национальную идентичность все больше расходится с глобальным мультикультурным развитием. Тот факт, что консервативная партия проводила мультикультурную политику, может свидетельствовать о том, что этот государственный мультикультурализм является целесообразным ответом на глобальные миграционные модели и нехватку рабочей силы, а не существенным изменением направления национальной ответственности перед «иностранцами». Ситуация в Корее проблематична. Например, в **2006** году **Комитет Организации Объединенных Наций** по ликвидации расовой дискриминации определил, что в Южной Корее отсутствуют надлежащие меры и механизмы обращения и уважения к иностранцам [51, с.86].

Мультикультурализм под руководством государства представляет собой инструментальную и в то же время идеологически скрытую политику коалиции неолиберальных и консервативных интересов, направленную на создание конкуренции на рынках труда и поддержание развития глобального капитализма в Южной Корее [77, с.338].

Консервативная *партия Ханнара* еще больше включила Южную Корею в глобальную политическую экономику. Для закрепления и легитимизации этой политики был выдвинут ряд местных и национальных экономических, политических и культурных инициатив. Во-первых, был разработан пакет экономической политики в нескольких ключевых зонах развития, включая маркетинг экономики как ориентированной на внешний мир «глобальной Кореи». Во-вторых, партия способствовала превращению Южной Кореи в современную и конкурентоспособную экономику, которая стала оказывать помощь для зарубежных государств в целях развития, особенно странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Действительно, Южная Корея позиционируется как одна из ведущих мировых экономик, пример успеха и образец для развивающихся стран. В-третьих, партия продолжала и дополняла многие социальные и культурные стратегии, проводимые более либеральной партией, поощряя мультикультурализм. Такая политика кажется подготовкой к ожидаемому увеличению потоков иностранной рабочей силы [66, с.3].

В Корее правящая консервативная партия Ханнара фактически рисковала оттолкнуть своих правых сторонников, продвигая мультикультурализм. Также северокорейское правительство утверждало, что правительство на Юге очерняет национальную культурную чистоту объединенной Кореи. Это ставило партию в неловкое положение, учитывая, что сторонники правого корейского национализма на Юге также симпатизируют культурному подходу Севера к единой корейской этнической чистоте. Тем не менее Ханнара также враждебно относилась к Северу из-за угрозы безопасности, и в 2008 году правительство партии заявило, что левые активисты симпатизируют Пхеньяну и поэтому должны рассматриваться как угроза национальной безопасности [77, с.339].

Консервативная партия утверждала, что неолиберальная экономическая политика и ее подход к государственному мультикультурализму укрепляют экономику и национальную безопасность Южной Кореи. Партия утверждала, что это усилит демократию, которая в конечном счете опирается, по их мнению, на сильную национальную безопасность. Таким образом, мультикультурализм является частью краткосрочной стратегии правительства, а не каких-либо существенных изменений [77, с.339].

Правительство Но Мухёна в 2006 г. на 74-ой заседании правительства объявило о переходе к мультикультурализму как оптимальному решению вопросов адаптации иммигрантов, объявив о «Плане содействия социальной интеграции женщин-мигрантов, межрасовых людей и иммигрантов» (여성결혼이민자 가족 및 혼혈인·이주자의 사회통합을 위한 종합대책). План был направлен на социальную интеграцию, создание мультикультурного общества, ликвидацию нарушений прав человека и бедности и т.д. За этим Планом последовали различные финансируемые правительством проекты на местном и центральном уровнях, и «мультикультурализм» стал общей темой в общественном дискурсе [92].

Однако этот план был направлен только на поддержку брачных мигрантов и их семей, а иностранные рабочие рассматривались только как временные резиденты, и они были исключены из интеграционных усилий. План получил много критики, особенно за то, что был сосредоточен на поддержке демографических целей государства в ущерб правам человека [55]. Это очевидно из хрупкости правового статуса брачных мигрантов, поскольку они должны сопровождаться своими супругами при обращении за продлением визы или натурализацией. Кроме того, в случае развода их статус становится не только юридически оспариваемым, но также они обычно не имели экономических средств для существования и жизни в стране, поскольку им отказывали в возможности легального трудоустройства во время бракоразводного процесса. Другая критика была сосредоточена вокруг

патерналистского и ассимиляционного характера целей правительства, поскольку иностранные брачные мигранты ценились только как матери корейских детей, и только как таковые они имеют право на финансовую поддержку [55, с.8].

Появление мультикультурализма связывают, во-первых, с результатами глобализации, экстенсивным обменом рабочей силы и заключением межкультурных браков, что в совокупности в 2007 г. приблизило число постоянно проживающих иммигрантов в Корею к значению в 1 млн. человек. Так, приезд в 2006 г. знаменитого в то время футболиста Хайнс Уорда, выходца из мультикультурной семьи, чья мать была корейка, а отец – афроамериканцем, вызвал интерес к представителям из смешанных семей. Затем последовало объявление перехода к мультикультурному обществу, и многие исследователи подчеркнули неожиданность принятия такой политики. Тем не менее, и браки с иностранцами, и иностранная рабочая сила медленно, но оказывает влияние на демографические изменения в Корее [71, с.33].

Распоряжение по разработке мультикультурной политики и интеграционных программ было отдано нескольким ответственным министерствам, и уже в 2007 г. был принят закон **«Об обращении с иностранцами, проживающими в Республике Корея»**, в том же году вышла программа «Мультикультурное образование», и в 2008 году вышел важный проект закона **«О поддержке мультикультурных семей»**, который обеспечивает правовую основу для разработки политики в отношении многокультурных семей. Закон об обращении с иностранцами был нацелен на содействие в адаптации иммигрантов в корейском обществе и развитии способов эффективной социальной интеграции. В самом законе нет каких-либо указаний к исполнению данной цели, отмечается только роль правительства как основного разработчика пятилетнего **«Плана иммиграционной политики»**, в котором должны отражаться основные этапы и направления интеграционных программ [55, с.3].

Таблица 3.1 – Принятие закона «Об обращении с иностранцами, проживающими в Республике Корея» 2007 г.

Партия	Кол-во чел
Ханнара (консерваторы) – 한나라당	128
Ури (социал-либералы) – 열린우리당	108
Объединенная Новая партия (социал-либералы) – 통합신당	25
Депутат, который не принадлежит ни одной фракции	38

Примечание: источник [90, с.26].

Таблица 3.2 – Результат голосования.

Акт об обращении с иностранцами, проживающими в Республике Корея 재안외국인 처우 기본법	Присутствие – 182 депутата «ЗА» – 181 «ПРОТИВ» – 1
--	---

Примечание: источник [90, с.56].

Таблица 3.3 – Принятие проекта закона «О поддержке мультикультурных семей» 2008 г.

Партия	Кол-во чел
Объединенная демократическая партия (социал-либералы) 통합민주당	141
Ханнара (консерваторы) 한나라당	130
Депутат, который не принадлежит ни одной фракции	27

Примечание: источник [91, с. 11].

Таблица 3.4 – Результат голосования.

Проект закона о поддержке мультикультурных семей 다문화가족지원법안	Присутствие – 165 депутата «ЗА» – 165 «ПРОТИВ» – 0
---	---

Примечание: источник [91, с. 31].

Таблица 3.5 – Хронология планов, законов и правовых актов.

Год	Содержание
2007	План содействия социальной интеграции женщин-мигрантов, межрасовых людей и иммигрантов
2007	Закон об обращении с иностранцами, проживающими в Республике Корея
2008	Проект закона о поддержке мультикультурных семей
2008	Первый Базовый план иммиграционной политики (2008-2012)
2012	Второй базовый план иммиграционной политики (2013-2017)
2017	Третий генеральный планом иммиграционной политики (2018-2022)

Примечание: собственная разработка.

Однако принятия Первого Базового плана в Южной Корее вызвало негативную реакцию среди националистов. Анти-мультикультуралистские организации, такие как «Гражданский альянс против иностранных рабочих» (외국인 근로자의 도입 반대 시민동맹) и «Центр по предотвращению ущерба от международных браков» (국제결혼 피해예방 센터), лоббировал консервативных политиков и правительственных чиновников, чтобы отменить Первый Базовый план. Например, в 2009 году представитель Демократической партии Чхон Бенхон (천병헌) представил в Национальное собрание законопроект, направленный на предотвращение расовой дискриминации, который позже был назван «Антирасистским законом» (차별금지법). Однако закон до сих пор не принят из-за резкой критики со

стороны не только консервативных групп, но и некоторых либеральных клубов. Несмотря на необычайно двухпартийные усилия некоторых законодателей подчеркнуть столь необходимый путь к мультикультурализму, многие южнокорейцы выразили серьезную озабоченность [78, с.235].

Во-первых, многие южнокорейцы опасаются, что иностранцы будут использовать закон об антирасизме как универсальный вопрос прав человека, тем самым лишая внутренние корейские суды возможности выносить суровые наказания иностранным преступникам. Во-вторых, южнокорейское физическое или юридическое лицо, обвиняемое в расовой дискриминации, должно было бы доказать свою невиновность в таких обвинениях, а это противоречило бы норме «невиновен, пока не доказана его вина», поскольку бремя доказывания лежит на обвинителе. В этом смысле критики законопроекта подразумевали, что, по иронии судьбы, законопроект, основанный на универсальных правах человека/справедливости, фактически противоречит универсальному либеральному стандарту. В-третьих, законопроект представляет собой позитивную дискриминацию для этнических корейцев. **Позитивная дискриминация** – это предоставление преимуществ, льгот, помощи и дополнительной защиты для определенной группы меньшинств. В этом смысле позитивная дискриминация считается недемократичной. Высказывались также опасения, что основополагающее и структурное экономическое, политическое и социальное неравенство между этническими корейцами не будет подпадать под действие «законов для иностранцев», которые сосредоточены на дискриминации на чисто культурном уровне. В-четвертых, законопроект негативно повлияет на расовую и этническую однородность корейцев и увеличит вероятность социальных конфликтов. В-пятых, как и в других государствах, профсоюзы и другие группы были обеспокоены тем, что иностранцы в массовом порядке неизбежно займут корейские рабочие места, поскольку иностранцы будут готовы работать за более низкую заработную плату или будут поощряться к трудоустройству, поскольку государственные и частные учреждения теперь будут конкурировать за заполнение своих «иностраных» квот, чтобы стать мультикультурными и конкурентоспособными [78, с.236].

Однако, несмотря на это противодействие, нынешние тенденции, связанные с иммиграцией в Южную Корею, не показывают никаких признаков резкого изменения направления в политике. Согласно собственным предварительным результатам статистики рождаемости и смертности южнокорейского правительства в 2019 году, рождаемость в стране впервые упала ниже 1 в 2018 году (Statistics Korea 2019). Этот падающий уровень рождаемости в сочетании с быстро растущим пожилым населением указывает

на то, что спрос Южной Кореи на импортных невест и зависимость от рабочей силы мигрантов будут только расти в ближайшие десятилетия [66, с.19].

Таким образом, мультикультурная политика часто считается отражением либеральной демократии в Южной Корее с момента ее институционального основания в 1987 году. Государственный мультикультурализм – это целесообразная политика культурной ассимиляции в привилегированную и однородную корейскую культуру. Тот факт, что консервативная партия проводила мультикультурную политику, может свидетельствовать о том, что этот государственный мультикультурализм является целесообразным ответом на глобальные миграционные модели и нехватку рабочей силы. Первый план был направлен только на поддержку брачных мигрантов и их семей, а иностранные рабочие рассматривались только как временные резиденты.

3.2 Партийная политика в отношении мультикультурализма на современном этапе

Партия Сила народа 국민의힘 (консерваторы):

В Южной Корее, которая известна во всем мире как одна из самых националистических стран, мало людей, которые публично определяют себя как националисты, и мало политиков, которые отвергают мультикультурализм. Еще более интересно, что консервативные политики проявили свой энтузиазм по поводу проблем, связанных с мигрантами [66, с.3].

В декабре 2012 года, перед 18-м президентскими выборами, 47 групп мигрантов и корейцев смешанной крови³ заявили о своей поддержке Пак Кынхе (от партии «Сэнури» – 새누리당), одного из самых консервативных кандидатов в президенты. Эта декларация стала первым случаем, когда этнические меньшинства собрались вместе, чтобы публично выразить свои политические взгляды в Южной Корее. В ответ на их заявление кандидат в президенты Пак Кынхе пообещала поддержать мигрантов, улучшить их жизнь и воспитать их детей, чтобы они стали достойными членами южнокорейского государства. Кроме того, среди представителей этнических меньшинств, были те, кто работал в избирательном комитете и президентской переходной команде Пак Кынхе. Во время интервью для этого исследования женщина-мигрант и член ассамблеи одного из местных органов власти прокомментировала:

³ Термин «смешанная кровь» является проблематичным выражением, используемым для обозначения лица двухрасового происхождения. В 2004 году Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН признал необходимость рассмотрения южнокорейских концепций «чистокровных (순혈)» и «смешанных (혼혈)» в целях сокращения расовой и этнической дискриминации в Южной Корее [66, с.3].

«В целом, вопрос мультикультурализма одобряется, когда речь идет о соответствующих мнениях или политике. Другие депутаты ассамблеи и члены консервативной партии активно поддерживали любую инициативу, которую я предлагала. Я также получала положительные ответы, такие как «да, конечно», всякий раз, когда посещала другие учреждения в качестве депутата Ассамблеи. Прямых препятствий для разработки и предложения такой политики практически не было» (интервью, 18 мая 2018 г.) [66, с.3].

Однако сейчас партия до сих пор сталкивается с некоторыми трудностями, после скандала, связанным с импичментом Пак Кынхе. Также пытается решить проблему своей возрастно-демографической слабости с помощью программной политики, ориентированной на молодежь, и обязательства снизить возраст для участия в выборах. Однако в качестве мер для поддержки мигрантов и мультикультурализма было рекомендовано увеличить предложение государственного жилья и равенство в области образования [57].

Консервативные члены Национального собрания активно предпринимают постоянные попытки предложить новые законы или пересмотреть существующие законы, касающиеся мигрантов. Два первых в Азии закона о правах мигрантов были выдвинуты консервативными политиками. Они включали в себя пересмотр законов о голосовании 2005 года, который обеспечил право жителей не Южной Кореи голосовать на местных выборах, а также принятие Закона о беженцах 2012 года, направленного на обеспечение определенного уровня социального обеспечения, основных средств к существованию, образования, занятости и медицинского обслуживания беженцев [66, с.3].

В 2009 году Ю Сынмин, консервативный член Национального собрания, выступил против расовой дискриминации в Законе о военной службе, который содержал статью, запрещающую некоторым группам южнокорейских мужчин смешанной крови проходить действительную военную службу (особенно если они считались белыми или черными мужчинами).⁴

⁴ Статья 65 закона о военной службе и статья 136 декрета об исполнении закона о военной службе фактически усугубляют дискриминацию в отношении мужчин смешанной крови. В обеих этих статьях эти люди упоминаются как лица, «явно отличающиеся внешностью», «признанные негодными к военной службе», «приговоренные к тюремному заключению» и характеризующиеся «болезнью или умственной и физической некомпетентностью». Кроме того, их назначение на службу было связано с цветом их кожи. Следовательно, другие мужчины смешанной крови, внешность которых была неотличима от коренных южнокорейских мужчин, не имели права на это освобождение. Кроме того, культурные пережитки военной диктатуры Южной Кореи (1960-1980-е годы) гарантировали, что южнокорейские мужчины, освобожденные от военной службы или поступившие на альтернативную службу, такую как служба в милиции, рассматривались в Южной Корее как граждане второго сорта или незрелые взрослые (Национальная комиссия по правам человека в Корее, 2003). На данный момент на службе находятся более трех тысяч южнокорейских мужчин смешанной крови, и ожидается, что в ближайшем будущем их число резко возрастет [66, с.3].

Ли Ра (депутат провинциального собрания: 2010-2014) и Ли Жасмин (депутат Национального собрания: 2012-2016), были мигрантами, и которые были первым депутатом провинциального собрания и первым депутатом Национального собрания соответственно, принадлежали к консервативной партии. Чо Мёнчхоль (член Национального собрания: 2012-2016), первый северокорейский перебежчик, ставший депутатом Национального собрания, также принадлежал к той же партии [66, с.3].

Однако поддержка консервативной партией мультикультурализма регулярно подвергается критике со стороны ксенофобских сообществ, таких как «Антимльтикультурная политика» (다문화 정책 반대) и «Народная солидарность за искоренение преступлений иностранцев» (외국인범죄 척결연대).

Демократическая партия Тобуро 더불어민주당 (социал-либералы):

Правящая Демократическая партия Кореи в декабре 2019 г. вводила дополнительные меры по улучшению прав иммигрантов в преддверии всеобщих выборов в апреле следующего года, надеясь привлечь избирателей с мультикультурным происхождением. Также партией был создан специальный *комитет по мультикультурализму*, который в декабре того же года предложил партии обнародовать различные предвыборные обещания, связанные с правами иммигрантов, включая создание президентского органа по мультикультурализму, чтобы этот орган мог служить контрольной башней для решения соответствующих социальных вопросов. Эти обязательства также включают расширение поддержки детей иммигрантов, не имеющих документов, облегчение системы разрешений на работу для иностранцев, предоставление учителям и государственным служащим обязательного образования по вопросам мультикультурализма, улучшение систем социального обеспечения для многокультурных семей и установление общей политики в отношении браков для иммигрантов. Прежде всего, комитет ввел законы, чтобы дать диаспорам, живущим в Корее, поддержку в социальном обеспечении и рабочих местах, что включает в себя план создания центра помощи для этих людей [65].

Этот шаг был сделан на фоне растущего числа иммигрантов в Корее и, следовательно, растущего спроса на введение соответствующих государственных услуг для них. Согласно опросам, число иммигрантов, включая иностранных резидентов и натурализованных граждан, составляет 2,09 миллиона человек, что составляет 4,1 % населения [65].

В частности, по данным комитета, численность диаспоры из стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Китая по состоянию на октябрь 2019 года составляет около 1 миллиона человек. Среди них около 140

000 приняли корейское гражданство и 90 000 имеют постоянное место жительства [65].

Кроме того, Южная Корея – одна из немногих азиатских стран, которая предоставляет право голоса на местных выборах иностранным жителям, отвечающим определенным визовым критериям, то есть политики рассматривают их как потенциальных избирателей. Более 100 000 иностранцев имели право голоса на местных выборах в июне 2018 года [65].

Партия Справедливости 정의당 (социал-демократы):

Руководство партии во время выборов 2020 г. заявило, что будет стремиться создать организацию для решения вопросов, касающихся иммигрантов, и принять «Закон об иммиграции». Также пообещала создать парламентский комитет для решения вопросов, связанных с мигрантами, и создать соответствующую организацию в правительстве и совместный орган, занимающийся вопросами прав человека, со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [36].

Что касается бытового насилия, которому подвергаются жены мигрантов, то партия заявила, что она усилит правила в отношении международных брачных агентств, предоставив при этом право жить и работать в Корее иностранным женщинам после развода. Кроме того, партия планирует предложить образовательные программы по вопросам гендерного равенства, бесплатные консультации и юридические услуги для жертв сексуального насилия. Также следует отметить, что Жасмин Ли, уроженка Филиппин, натурализованная корейская политик, возглавляет сейчас комитет партии по делам мигрантов [36].

Таким образом, позиция в отношении мультикультурализма со стороны *консерваторов* не поменялась даже спустя 15 лет. Они активно оказывают поддержку и предпринимают постоянные попытки предложить новые законы или пересмотреть существующие законы, касающиеся мигрантов; также они первые, кто принял в свои круги мигрантов (Ли Ра, Ли Жасмин). Именно депутат от консервативной партии в 2009 г. выступил против расовой дискриминации в Законе о военной службе. *Демократическая партия* принимала специальные меры по привлечению избирателей с мультикультурным происхождением. Также партией был создан специальный комитет по мультикультурализму, который в декабре того же года предложил партии обнародовать различные предвыборные обещания, связанные с правами иммигрантов, включая создание президентского органа по мультикультурализму, чтобы этот орган мог служить контрольным пунктом для решения соответствующих вопросов. *Партия Справедливости (социал-демократы)* создала комитет по делам мигрантов, возглавляемый Ли Жасмин, натурализованным корейским политиком из Филиппин. Следовательно,

отношение к мультикультурализму со стороны корейских партий однозначно положительное.

3.3 Первый базовый план иммиграционной политики (2008-2012)

За планом 2006 года последовал Первый базовый план иммиграционной политики (2008-2012 годы), далее Первый план, который представлял собой более всеобъемлющее испытание для решения проблем иммиграции и мультикультурализма, поскольку он включал фрагментированную политику нескольких министерств. Первый план основывался на *статье 5 закона «Об обращении с иностранцами, проживающими в Республике Корея»* (재안외국인 처우 기본법). В нем говорилось, что Министерство юстиции будет нести ответственность за объявление нового плана каждые пять лет, включая основные политические цели, меры по их достижению, а также источники финансирования и необходимые ресурсы [22].

С помощью этого плана правительство инициировало «стратегическое открытие» миру, основанное на экономических потребностях Кореи, таким образом, оно охватывало четыре основные области: повышение конкурентоспособности рабочей силы, поддержка многокультурных семей, обеспечение соблюдения иммиграционных законов и контроль, предотвращение дискриминации и защита прав человека, включая права беженцев [29]. Этот план был расценен как значительный шаг вперед, однако в нем отсутствовала конкретная информация и меры для достижения поставленных целей, а также отсутствовала стратегия достижения общей национальной идентичности и общих ценностей [53, с.24-30]. Например, во втором разделе «Высококачественная социальная интеграция» подзаголовок 2.1. «Улучшение общественного понимания предпосылок и потребностей мультикультурного общества», говорится, что необходимо взаимопонимание, а также корейцы должны принимать иммигрантов и культивировать взаимопонимание через образование. Эта политика носит довольно общий характер, и в ней отсутствует точное описание средств ее достижения. Эта часть дополняется немного более подробными объяснениями в разделе 2.1.1. «Укрепление образования для мультикультурного общества и его продвижение», поскольку она включает в себя понятия издания новых учебников и преподавания мультикультурализма посредством внеклассных занятий [53, с.54-58].

Следовательно, Первый план миграционной политики Республики Корея инициировал «стратегическое открытие» миру, основанное на экономических потребностях Кореи, таким образом, оно охватывало четыре основные области: повышение конкурентоспособности рабочей силы,

поддержка многокультурных семей, обеспечение соблюдения иммиграционных законов и контроль, предотвращение дискриминации и защита прав человека, включая права беженцев. Однако в нем отсутствовала конкретная информация и меры для достижения поставленных целей, а также отсутствовала стратегия достижения общей национальной идентичности и общих ценностей.

3.4 Второй базовый план иммиграционной политики (2013-2017)

Первый план был заменен Вторым базовым планом иммиграционной политики (2013-2017 годы) [73], далее Второй план, и он включал несколько улучшений по сравнению с Первым планом. Вторым планом подчеркивались некоторые ограничения Первого плана, например, рост числа нелегальных иммигрантов, чрезмерную политику социального обеспечения, проблемы преступлений с участием иностранцев и т. д. Кроме того, в плане подчеркивалось, что широкая общественность, по-видимому, озадачена правомочностью корейской иммиграционной политики. Это связано с тем, что иммиграция создала экономические выгоды, однако она также увеличила социальные проблемы. Поэтому в обществе наблюдался рост антимультикультурных настроений. Антимультикультурализм особенно пропагандировался корейцами с низким уровнем дохода, которые чувствовали угрозу от притока иностранной рабочей силы, а также корейцами, которые чувствовали себя обманутыми международными брачными агентствами. Кроме того, в плане подчеркивалось, что большинство корейцев отвергают или не признают культурное разнообразие, что может негативно сказаться на иммигрантах и их детях, поскольку им, вероятно, не понравятся корейская культура и система ценностей. «Большинство корейцев до сих пор не признают и не принимают культурное разнообразие. Это вызвало растущую озабоченность по поводу кризиса идентичности среди иммигрантов и их детей, которые не в полной мере понимают корейские социальные ценности» [77, с.237].

Поэтому, как видно из таблицы 3.6, Вторым планом сформулированы видение пять основных политических целей для достижения мультикультурализма: открытость, социальная интеграция, права человека, общественная безопасность и сотрудничество.

Первая цель политики – *открытость* – означает поддержку экономических инвестиций и привлечение талантов из-за рубежа. Основным планом действий по достижению этой цели – привлечение иностранных туристов и студентов, которые будут стимулировать национальную экономику за счет увеличения расходов, привлечения инвестиций и т. д.

Вторая цель – социальная интеграция – означает содействие интеграции, основанной на корейских ценностях, и правительство планирует достичь ее путем пересмотра национальной и иммиграционной системы, инвестирования в интеграционные программы, обеспечения дружественной среды для детей из межкультурных семей, увеличения инфраструктуры и финансирования социальной интеграции и т.д.

Третья цель политики – права человека – направлена на предотвращение дискриминации и предрассудков, а меры по ее достижению; институционализация прав человека, повышение толерантности и создание среды, в которой корейцы и иностранцы могут взаимодействовать.

Четвертая цель – общественная безопасность – планируется достичь за счет усиления пограничного контроля, контроля за иммиграционными правонарушителями, отслеживания нелегальных иммигрантов и усиления управления всеобъемлющей информацией об иностранцах.

Пятая цель – сотрудничество – означает сотрудничество с другими странами для содействия совместному процветанию, и меры по ее достижению являются: укрепление сотрудничества с направляющими странами и международными организациями, содействие политике в отношении беженцев, расширение обменов и сотрудничества с корейцами за рубежом [73].

Таблица 3.6 – Цели и план действий Второго плана.

Цели политики	План действий
1. Открытость Поддержка экономического стимулирования и привлечение человеческих ресурсов из-за рубежа	<ol style="list-style-type: none"> 1. Приглашать больше иностранных гостей, которые вносят свой вклад в экономику 2. Привлечение востребованных человеческих ресурсов из-за рубежа 3. Привлечь иностранных студентов для обеспечения будущего роста страны 4. Привлечение иностранных инвестиций для сбалансированного регионального развития
2. Социальная интеграция Содействовать социальной интеграции, которая уважает общие корейские ценности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Усовершенствовать систему гражданства и иммиграции в интересах самообеспечения и социальной интеграции. 2. Работать в хорошо организованной программе иммиграции и интеграции иммигрантов 3. Предотвращать фиктивные браки и поддерживать поселение супругов-иммигрантов 4. Обеспечьте дружественную среду для детей иностранного происхождения

	5. Увеличение инфраструктуры и финансовых средств для социальной интеграции
3.Права человека Предотвращение дискриминации и уважение культурного разнообразия	1. Институционализировать защиту прав человека иммигрантов и предотвратить дискриминацию 2. Повышение терпимости общества к культурному разнообразию 3. Создать международную среду, в которой корейцы и иностранцы могли бы взаимодействовать
4.Общественная безопасность Обеспечить безопасное общество как для корейцев, так и для иностранцев	1. Безопасная и надежная охрана границ 2. Эффективно обеспечить контроль за нарушителями иммиграционного режима 3. Расширить процедуры отслеживания нелегальных иммигрантов 4. Улучшить управление информацией об иностранцах
5.Сотрудничество Содействие совместному процветанию с Международным сообществом	1. Укрепление международного сотрудничества со странами, международными организациями 2. Продвигать политику в отношении беженцев, соответствующую национальному статусу Кореи. 3. Расширение обменов и сотрудничества с зарубежными корейскими общинами

Примечание: источник [73].

Второй план показывает, что корейское правительство формирует свою иммиграционную политику в соответствии со своими экономическими и демографическими целями. Таким образом, первая цель политики – *открытость*, которая фактически означает открытость для привлечения иностранных инвестиций, студентов и туристов, – это политика стимулирования внутреннего роста за счет иностранных расходов. Вторая главная цель – *демография* – подобна второй политической цели – социальной интеграции. С этой политической целью Второй план предполагал также улучшение идентичности, что было перечислено в качестве одного из ограничений Первого плана. Поэтому достижение социальной интеграции предполагается через требование к иммигрантам, таким как жены-иностранки, сначала получить постоянное место жительства, а затем натурализацию. Кроме того, знание корейского языка и корейской культуры является одним из требований для получения такого правового статуса, поэтому иммигранты обязаны пройти «Интеграционную программу» (사회통합프로그램), проводимую Министерством юстиции. Кроме того, поскольку к 2012 году число международных браков постоянно росло, в плане также подчеркивалась

необходимость предотвращения фиктивных браков и поддержки переселения иностранных жен. Поэтому План предусматривал ужесточение контроля за выдачей брачных виз, проверку сожителства, а также ликвидация брачных агентств [55, с.17].

Таблица 3.7 – Увеличение числа брачных мигрантов в год.

<i>Год</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>
Число иммигрантов	122 552	125 087	141 654	144 681	148 833
Изменение в %	11%	2,1%	13,2%	2,1%	3,9%

Примечание: источник [73, с.51].

Таким образом, Второй план подчеркивал некоторые ограничения Первого плана, например, рост числа нелегальных иммигрантов, чрезмерную политику социального обеспечения, проблемы преступлений с участием иностранцев и т. д. Кроме того, в плане подчеркивалось, что большинство корейцев отвергают или не признают культурное разнообразие, что может негативно сказаться на иммигрантах и их детях, из-за этого они, вероятно, не смогут принять корейскую культуру и систему ценностей. Также с увеличением числа международных браков в плане подчеркивалась необходимость предотвращения фиктивных браков и поддержки переселения иностранных жен. Важным пунктом социальной интеграции было требование к иммигрантам, таким как жены-иностранки, сначала получить постоянное место жительства, а затем натурализацию. Кроме того, знание корейского языка и корейской культуры является одним из требований для получения такого правового статуса, поэтому иммигранты обязаны пройти «Корейскую иммиграционную интеграционную программу». Поэтому План предусматривал ужесточение контроля за выдачей брачных виз, проверку сожителства, а также ликвидация брачных агентств.

3.5 Третий генеральный планом иммиграционной политики (2018-2022)

Третий генеральный план иммиграционной политики (2018-2022 годы), далее Третий план [74] начался с анализа двух предыдущих планов. В плане говорилось, что политика открытости, стимулирования экономики была успешной, так как росло число иностранных студентов, туристов, а также иностранных инвестиций. Кроме того, политика социальной интеграции была успешной в том отношении, что число иммигрантов, посещавших корейскую программу иммиграционной интеграции, резко увеличивалось из года в год и

т. д. В плане также подчеркивались некоторые недостатки предыдущих планов. Несмотря на то, что Корею удалось привлечь иностранных студентов, ожидания не оправдались, так как доля низкоквалифицированных рабочих остается значительно выше, чем высококвалифицированных, т.е. 92% и 8% соответственно. Кроме того, система социального обеспечения оставалась несбалансированной, поскольку большая ее часть шла брачным мигрантам, в то время как другие группы, получали очень мало поддержки. В плане также указывалось, что не было никаких конкретных мер по защите прав человека для иностранцев, не было никаких систематических мер по решению проблем, которые могли бы вызвать социальные волнения, такие как антимультикультурные настроения [55, с.20].

После изложения недостатков предыдущих двух планов и насущных потребностей в Третьем плане были разработаны основные видения, цели и планы действий, как указано в таблице 3.8. Концепция Третьего плана гласит: «Добросердечные люди, уважение разнообразия, права человека и верховенство закона являются важными корейскими ценностями». Это видение планируется достичь с помощью пяти основных целей: упорядоченная открытость с общественностью, интегрированное общество с независимыми и активными иммигрантами, безопасное общество, в котором корейцы и иммигранты живут вместе, справедливое общество, в котором уважаются права человека и разнообразие, ориентированное на будущее управление, основанное на сотрудничестве.

Первая цель – *«Упорядоченная открытость с общественностью»* – на практике перекликается с теми же целями и мерами, принятыми в рамках Второго плана, и включает в себя увеличение числа иностранных студентов, туристов и иностранных инвестиций, также эта цель включает в себя политику, направленную на увеличение доли высококвалифицированных рабочих. Эта политика направлена на снижение восприятия экономической угрозы со стороны иммиграции, поскольку низкоквалифицированные корейские рабочие, особенно в строительном бизнесе, выступают против миграции.

Вторая цель – *«Интегрированное общество с независимыми и активными иммигрантами»* – направлена на усиление интеграционного процесса на всех этапах, обеспечение благосостояния, включая расширение социального обеспечения также для иностранных детей, легально проживающих в Корею, чрезвычайное социальное обеспечение и здравоохранение для уязвимых слоев населения.

Третья цель – *«Безопасное общество, в котором корейцы и иммигранты прилагают совместные усилия»* – на самом деле относится к усилению пограничного контроля и безопасности путем предотвращения незаконной иммиграции и расселения.

Четвертая цель – «Справедливое общество, в котором уважаются права человека и многообразие» – подчеркивает необходимость повышения терпимости к культурному разнообразию посредством глобального гражданского образования, программы воспитания граждан, осведомленных о правах человека и культурном разнообразии, мероприятий мультикультурного обмена, образования с корейскими и иностранными участниками и т.д.

Пятая цель – «Ориентированное на будущее управление, основанное на сотрудничестве» – означает сотрудничество с направляющими странами, сотрудничество с гражданским обществом и т. д. [55, с.21].

Таблица 3.8 – Цели и план действий Третьего плана.

<p>1. Сосуществование</p> <p>Упорядоченная открытость с общественностью</p>	<p>1. Привлечение иностранных талантов и поддержка развития</p> <p>2. Привлечение иммигрантов на основе занятости для обеспечения развития.</p> <p>3. Стимулирование экономики за счет привлечения туристов и инвесторов.</p> <p>4. Развивать систему приема иностранцев и совершенствовать системы проживания и гражданства.</p>
<p>2. Интеграция</p> <p>Интегрированное общество с независимыми и активными иммигрантами</p>	<p>1. Обеспечить поддержку расселения на основе этапе иммиграции и содействовать социальной интеграции.</p> <p>2. Расширение возможностей детей из семей иммигрантов.</p> <p>3. Улучшить программы социального обеспечения, чтобы помочь иммигрантам интегрироваться в общество.</p> <p>4. Помочь иммигрантам интегрироваться в местное сообщество.</p>
<p>3. Безопасность</p> <p>Безопасное общество, где корейцы и иммигранты идут вместе</p>	<p>1. Установить безопасную и эффективную границу.</p> <p>2. Улучшить систему управления иностранными резидентами.</p>
<p>4. Права человека</p> <p>Справедливое общество, в котором уважаются</p>	<p>1. Укрепление системы защиты прав человека для мигрантов.</p> <p>2. Обеспечение прав человека уязвимых групп мигрантов.</p>

права человека и многообразии	<p>3. Поощрение межкультурной терпимости и культурного разнообразия.</p> <p>4. Налаживайте более тесные связи с зарубежными корейцами.</p> <p>5. Разработка политики в отношении беженцев, соответствующей международным стандартам.</p>
<p>5. Сотрудничество</p> <p>Ориентированное на будущее управление, основанное на сотрудничестве</p>	<p>1. Содействовать международному сотрудничеству в области иммиграции.</p> <p>2. Содействовать сотрудничеству между гражданским обществом, центральными и местными органами власти.</p> <p>3. Заложить основы иммиграционной политики и исследований, основанных на сотрудничестве.</p>

Примечание: источник [74].

Таким образом, цели, изложенные в Третьем плане, ясно показывают самые большие проблемы для создания мультикультурного общества: защита прав человека, терпимость к культурному разнообразию, сдерживание антимультiculturalных настроений, поощряемых низкоквалифицированными корейскими рабочими, общественная безопасность и т. д. Поскольку эти вопросы подчеркивались во всех трех планах, становится очевидным, что, несмотря на прилагаемые усилия, их довольно трудно решить и, весьма вероятно, они будут продолжать бросать вызов обществу.

Следует отметить, что правительство Республики Корея на данный момент руководит мультикультурными программами, контролируемые разными министерствами (согласно третьему плану). Подробнее программы по министерством представлены в таблице 3.9.

Таблица 3.9 – Мультикультурные программы по министерствам.

Название министерства	Обязанности
Министерство юстиции (moj.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Управление иммиграционной политикой на правительственном и местном уровнях • Управление по гражданским вопросам брачных мигрантов • Решение вопросов по натурализации (проведение экзаменов и тестов, оценивание) • Разработка интеграционных программ для всех видов мигрантов • Предотвращение фиктивных браков • Контроль деятельности брачных агентств

	<ul style="list-style-type: none"> • Защита прав трудовых мигрантов и мультикультурных семей • Гуманитарная помощь для иностранцев • Проведение мультикультурных фестивалей • Усиление контроля местных властей за статусом проживающих в районе мигрантов
Министерство общественной администрации и безопасности (mogaha.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Содействие в расселении иностранных жителей на территории страны • Поддержка развития мультикультурализма на уровне муниципалитетов • Поощрение участия иностранцев в местном управлении
Министерство здравоохранения (moe.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Помощь в медицинском страховании • Предоставление бесплатного медицинского обследования иностранцам
Министерство культуры, спорта и туризма (mcst.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Помощь в культурной адаптации иммигрантов (обучение корейскому языку и культурный обмен) • Управление школами для мультикультурных детей (“Rainbow School”⁵) • Создание культурных и арт-площадок для связи между корейскими гражданами и иностранцами • Разработка радио- и телевизионных мультикультурных программ • Мониторинг СМИ и интернет-сообществ
Министерство образования, науки и технологий (moe.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Помощь в обучении детей из мультикультурных и иностранных семей (внеклассные уроки, консультации) • Разработка учебных планов и подготовка специальных занятий с включением материалов по мультикультурному образованию для детей, учителей и родителей • Открытие образовательных программ в общеобразовательных школах и университетах
Министерство по вопросам	<ul style="list-style-type: none"> • Контроль деятельности брачных агентств • Предоставления обучения корейским супругам • Помощь ведения беременности

⁵ Rainbow School – частная некоммерческая школа для иностранных школьников, расположенная в районе Каннам (Сеул). Принимает школьников с 1 – 8 классы. Интересно, что школа предоставляет обучение на корейском языке, как основном, а также изучение турецкого как родного. Остальные языки, как дополнительные: английский, испанский и французский. (rischool.org)

гендерного равенства и семьи (mogef.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Переводческие услуги • Вмешательство и предоставление помощи в случае домашнего насилия.
Министерство продовольствия, сельского, лесного и рыбного хозяйства (mafra.go.kr)	<ul style="list-style-type: none"> • Представление преподавателя или учебного ассистента по обучению корейскому языку • Оказание финансовой помощи в воспитании детей • Уроки по корейской культуре, кулинарии и этикету

Примечание: источник [55, с.21].

Следовательно, можно сделать несколько выводов:

- программы в основном направлены на обучение мультикультурализму исключительно иммигрантов, участие корейских граждан практически отсутствует.

- почти у каждого из министерств есть повторяющиеся программы, например, по обучению корейскому языку, что создает путаницу и лишние расходы бюджета, а эффективность столь многообразных программ ставится под сомнение. Ряд исследователей корейского мультикультурализма отмечают, что для объективного оценивания качества той или иной программы необходим отдельный контролирующий орган, который привел бы в порядок программы, дублирующие друг друга, или изучил недостатки и повысил эффективность этих программ [13].

- анализ всех имеющихся программ по социокультурной адаптации иммигрантов и вовлеченность исключительно иностранного населения дает право сделать заключение о том, что у правительства нет цели привлечь к участию корейское общество в распространении мультикультурных ценностей. Следовательно, не происходит изменения в отношении корейцев к трудовым и брачным мигрантам.

Далее в таблице 3.10 приведено сравнение трех иммиграционных планов и указаны их недостатки.

Таблица 3.10 – Сравнение основных политических целей трех иммиграционных планов.

<i>План</i>	<i>Основные политические цели</i>	<i>Недостатки</i>
Первый план	повышение конкурентоспособности рабочей силы, поддержка многокультурных семей, обеспечение соблюдения иммиграционных законов и контроля,	Рост нелегальной иммиграции, преступлений с участием иностранцев, рост антимultiкультурализма, вызовы национальной идентичности.

	предотвращение дискриминации и защита прав человека, включая права беженцев	
Второй план	Открытость, социальная интеграция, права человека, общественная безопасность и сотрудничество.	Доля высококвалифицированных работников остается низкой, социальное обеспечение по-прежнему ориентировано на иностранных жен, нет конкретных мер по защите прав человека, нет системных мер по устранению возможных социальных волнений и антимультурализма.
Третий план	Упорядоченная открытость с общественностью, интегрированное общество с независимыми и активными иммигрантами; безопасное общество, где корейцы и иммигранты прилагают совместные усилия; справедливое общество, где права человека и разнообразие основаны на сотрудничестве	Слабая защита прав человека и терпимость к культурному разнообразию; антимультурализм, систематические меры по устранению возможных социальных волнений и угроз общественной безопасности.

Примечание: источник [55, с.24]

Таким образом, Первый план миграционной политики Республики Корея инициировал «стратегическое открытие» миру, основанное на экономических потребностях Кореи, однако в нем отсутствовала конкретная информация и меры для достижения поставленных целей, а также отсутствовала стратегия достижения общей национальной идентичности и общих ценностей. Второй план подчеркивал некоторые ограничения Первого плана, например, рост числа нелегальных иммигрантов, чрезмерную политику социального обеспечения, проблемы преступлений с участием иностранцев и т. д. Кроме того, в плане подчеркивалось, что большинство корейцев отвергают или не признают культурное разнообразие, что может негативно сказаться на иммигрантах и их детях. В Третьем плане, ясно показывают самые большие проблемы для создания мультикультурного общества: защита прав человека, терпимость к культурному разнообразию, сдерживание антимультуралистических настроений, поощряемых низкоквалифицированными корейскими рабочими, общественная безопасность и т. д. Поскольку эти вопросы подчеркивались во всех трех планах, становится очевидным, что, несмотря на прилагаемые усилия, их довольно трудно решить и, весьма вероятно, они будут продолжать бросать вызов обществу.

ГЛАВА 4 ОТНОШЕНИЕ К МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМУ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

4.1 Позитивное отношение

Южная Корея – страна, где все основные мировые религии, христианство, буддизм, конфуцианство и ислам, мирно сосуществуют с шаманизмом. Согласно статистике 2015 года, 44% южнокорейцев принадлежат какой-либо религии.

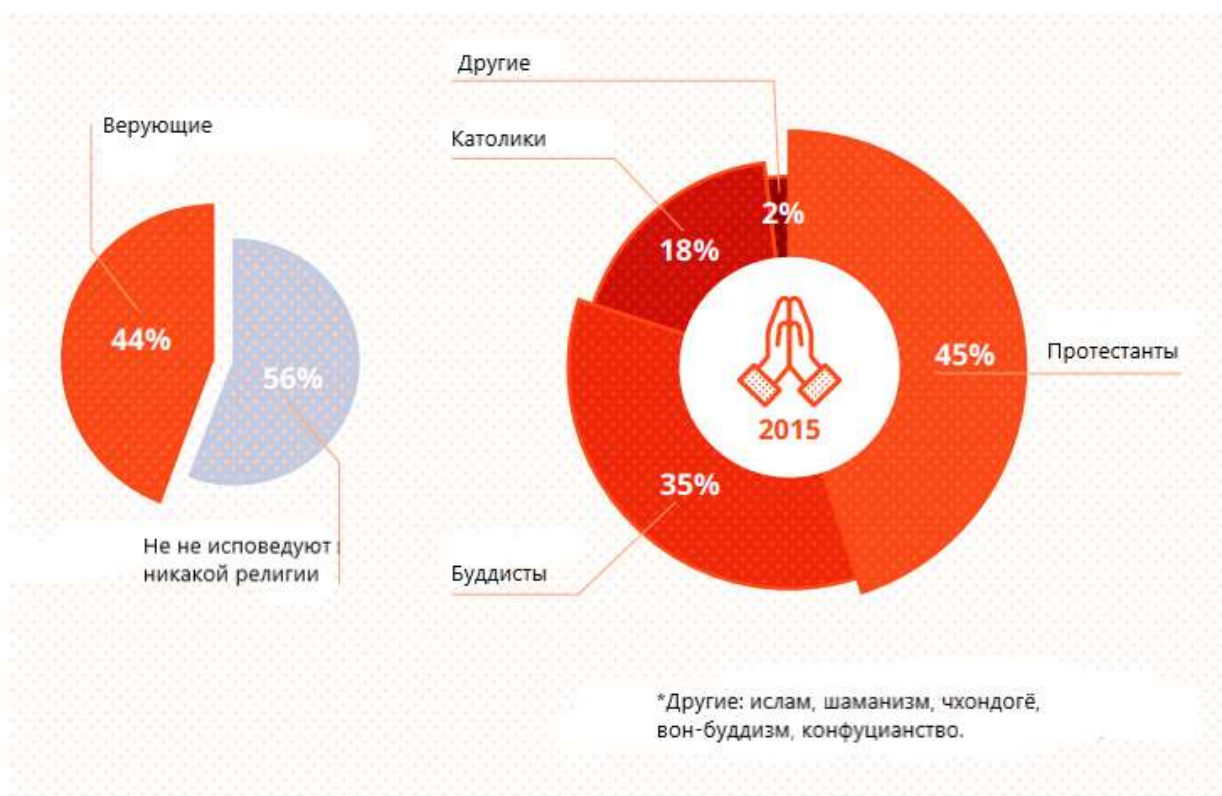

Рисунок 4.1. Процент верующих в РК за 2015 г. [64].

Католики. Учитывая дискриминацию и сопутствующие финансовые и социальные трудности, с которыми сталкиваются как многокультурные семьи, так и более временные трудовые мигранты в Южной Корее, религиозные организации помощи оказывают ценную поддержку различным мигрантским общинам, живущим в их среде. Однако поддержка, оказываемая тремя крупнейшими религиозными общинами Южной Кореи, а именно католиками, протестантами и буддистами, была различной. С конца 1980-х годов корейская католическая община работала над удовлетворением потребностей мигрантов через различные католические организации, которые регулярно оказывали материальную, медицинскую и юридическую помощь, а также социальную

поддержку. В 1992 году Католическая епархия Сеула открыла консультационный центр и группу поддержки для иностранных рабочих, которая постепенно расширялась за счет создания филиалов в местных епархиях по всей стране. В 2003 году Конференция католических епископов Кореи создала Комитет по пастырскому попечению мигрантов и иностранных граждан, проживающих в Корее (군내이주사목위원회, далее «Комитет пастырского попечения») сформировал партнерство с ранее существовавшими группами поддержки католических иммигрантов. Корейские католические организации также оказывают медицинскую помощь трудящимся-мигрантам, многие из которых не имеют права на национальную систему медицинского страхования страны, через католические клиники и больницы. С 2000-х годов Корейская католическая церковь также расширила свои возможности поддержки иммигрантов, чтобы удовлетворить потребности не только экономических мигрантов, но и брачных мигрантов и детей из многокультурных семей [42, с.3].

Корейская католическая поддержка мигрантов была непосредственно санкционирована и направлялась политикой Ватикана. В ответ на миллионы беженцев, перемещенных в результате Второй мировой войны, в 1952 году папа Пий XII издал апостольскую конституцию под названием *Exsul Familia*. Представляя бегство Святого Семейства в Египет, чтобы избежать преследований, как архетип беженцев и экономических мигрантов, Пий XII дал указание местным епархиям проводить политику открытых дверей для всех мигрантов и перемещенных лиц. Эта политика была подтверждена в 2004 году, когда Ватикан представил *Erga Migrantes Caritas Christi*, или «Любовь Христа к мигрантам», Папский совет по пастырской заботе о мигрантах и странствующих людях, который обеспечивает дальнейшую основу для церковной поддержки мигрантов по всему миру. Документ также предписывает католической церкви работать над исправлением нарушений прав человека и отчуждения в миграционном процессе, а также над созданием социальных систем и законов, гарантирующих трудовые и человеческие права мигрантов. Следуя этим мандатам Ватикана, Комитет корейских католических епископов по пастырскому попечительству далее постановил, что корейские католики должны оказывать материальную помощь и убежище мигрантам, находящимся среди них, с которыми они должны обращаться так же, как с местными верующими. Оговаривая, что каждая епархия несет ответственность за мигрантов, проживающих в пределах ее границ, корейские католики активно следуют мандатам Ватикана, защищая и служа нуждам иммигрантов в своих общинах [42, с.3].

Протестанты. В то время как корейским протестантам не хватает централизованной организации и церковного авторитета католиков, многие в

протестантской общине страны также были мобилизованы в поддержку корейских иностранных мигрантов. Из 152 религиозных групп помощи, работающих с иммигрантами в Южной Корее, примерно 70% связаны с протестантскими христианскими организациями. Несмотря на исламофобию некоторых консервативных протестантских групп, с начала 1990-х годов многие в южнокорейской протестантской общине работали в поддержку прав человека трудящихся-мигрантов. В ноябре 1992 года Корейский совет христианских церквей учредил Корейский совет миссионеров иностранных рабочих – общенациональную организацию, поддерживаемую коалицией из 34 протестантских групп, выступающих за трудовые права и права человека мигрантов. За этим последовало образование поддерживаемой протестантами Ассоциации труда иностранных иммигрантов (외국인이주노동운동협의회) в 1995 году, которая предоставляла юридическую защиту и социальные услуги иммигрантам. Поскольку число протестантов в Корее с начала тысячелетия сокращалось, а число иммигрантов неуклонно росло, протестантские церкви определили иммигрантские общины в Корее как новое поле для миссионерской работы, вопрос, открыто обсуждаемый протестантскими министрами и семинаристами [42, с.3].

Таким образом, в то время как протестантские организации помощи предоставляют ценные услуги мигрантам, проживающим в Корее, они часто занимаются прозелитизмом (стремление обратить других в свою веру) и продвижением религиозного образования наряду с другими вспомогательными службами.

Буддийская поддержка мигрантов в Корее. Как и в случае с католиками и протестантами, корейские буддисты имеют устоявшиеся религиозные мотивы для оказания помощи растущим мигрантским общинам своей страны. На пути Бодхисаттвы к состоянию Будды буддисты Махаяны должны стремиться культивировать «великое сострадание», которое, как описано корейским буддийским мастером VII века Вонхё, является «безусловным» и «не различает себя и других». Это «великое сострадание» вдохновило создание современных корейских «заинтересованных» буддийских организаций, таких как Общество Чонтхо (정토회, или «Общество чистой земли»), основанное Достопочтенным Помнюн (법륜 스님, г. 1953) в 1988 году, который спонсировал многочисленные международные проекты помощи и экологические кампании, а также сообщество чистой жизни Индры (인드라마생명곤단체), основанный Достопочтенным Добоп (도법 스님, г. 1949) в 1999 году, который был вовлечен в экологию, органическое сельское хозяйство, кооперативную жизнь и альтернативное школьное образование [43, с.4].

Тем не менее, в отличие от католиков и протестантов страны, корейские буддисты сравнительно медленно вступали в контакт с иммигрантами из Южной Кореи. Начиная с 1994 года корейские буддисты создали «Комиссию по защите прав человека иностранных рабочих» (외국인노동자인권을위한 불교대책위원회). Однако первоначальная поддержка, оказываемая мигрантам корейскими буддистами, была непостоянной и в основном осуществлялась отдельными активистами и храмами. Поскольку иммиграция и соответствующий дискурс вокруг «мультикультурализма» усилились в 2000-е годы, Орден Чоге (조계종) стремился обеспечить поддержку мигрантов на национальном уровне и в 2006 году основал Совет Группы помощи мигрантам Маха (마하이주민지원단체협의회) с целью поощрения равенства и защиты мигрантов от дискриминации и нарушений прав человека. Первоначально начавшись как добровольное собрание для обмена информацией и укрепления дружбы между местными буддийскими организациями поддержки мигрантов, вскоре стала очевидной необходимость более активной поддержки мигрантов со стороны Ордена Чоге, особенно из буддийских стран [42, с.5].

В 2008 году Орден Чоге реорганизовал совет в Ассоциацию поддержки иммигрантов Маха (마하이주민지원단체협의회, далее «Ассоциация Маха» или «Ассоциация») с финансированием, непосредственно предоставляемым орденом. Перед Ассоциацией Маха стояла задача защиты прав мигрантов, предоставления «единого голоса в поддержку мигрантов», работы по совершенствованию государственной политики, разработки образовательных программ и предоставления религиозных услуг буддистским мигрантам, она функционировала как организация, координирующая местные инициативы и храмовые программы [35]. В течение следующего десятилетия ассоциация спонсировала различные программы и мероприятия, включая курсы корейского языка и обучение рабочим навыкам для мигрантов, создание приютов для трудящихся-мигрантов, социальные и культурные мероприятия для них, а также зарубежные волонтерские программы в таких странах, как Вьетнам, Непал и Шри-Ланка [35]. Центром деятельности Ассоциации была защита прав человека и интересов брачных мигранток и иностранных рабочих, участвуя в симпозиумах по вопросам иммиграции и работая над расширением прав и возможностей активистов по защите прав иммигрантов [42, с.6].

В отличие от многих протестантских организаций поддержки, религиозное обращение небуддистов не было целью Ассоциации Маха. Однако, поскольку подавляющее большинство трудящихся-мигрантов, прибывающих в Южную Корею, являются выходцами из стран с буддийским большинством, таких как Вьетнам, Таиланд и Мьянма, Ассоциация сыграла важную роль в оказании религиозной поддержки иммигрантским буддийским общинам, организовав места в корейских храмах, где иностранные буддийские

сангхи могли встречаться, проводить церемонии и вести беседы о Дхарме на своих родных языках. В начале 2000-х годов Ассоциация Маха помогла организовать храмы для моряков из Мьянмы в Сеуле и Бупхён-гу (부평구), а также открыть храм Махабодхи для Шри-ланкийских мигрантов, который был открыт в 2005 году. К 2008 году были также организованы дополнительные храмы для тайских, камбоджийских, монгольских и непальских буддистов. К 2010-м годам многие из этих мигрантских сангх стали достаточно большими, чтобы основать свои собственные независимо управляемые храмы, но они продолжают поддерживать позитивные отношения с Ассоциацией Маха и другими корейскими буддийскими организациями [42, с.6].

Однако, несмотря на многочисленные успехи Ассоциации Маха, в 2015 году Чоге ликвидировал весь операционный бюджет Ассоциации в рамках усилий ордена по сокращению своих расходов в ответ на общее сокращение членства [92]. С учетом того, что число ежегодных монашеских рекрутов неуклонно сокращалось в течение десятилетий – с 510 послушников в 1993 году до всего лишь 151 в 2017 году, а число мирян-практиков сократилось с 22,8% населения в 2005 году до 15,5% всего десять лет спустя, Орден Чоге сталкивается с внутренним кризисом [43]. В то время как орден поддерживал Ассоциацию Маха без постоянной поддержки, сторонники ассоциации, такие как профессор социологии Центрального Университета Сангха (중앙승가대학교) Ю Сынму, утверждают, что сокращение финансирования привело к тому, что Ассоциация Маха не смогла выполнить свои мандаты и сократила свою деятельность до минимума [92]. Тем не менее ассоциация остается активным участником различных иммиграционных симпозиумов и национальных дискуссий по правам мигрантов, в то время как различные местные программы, организованные под эгидой ассоциации, продолжают свою работу. Кроме того, многие мигрантские сангхи, первоначально спонсируемые Ассоциацией Маха, продолжают расти и процветать независимо, не нуждаясь в поддержке ассоциации. В 2019 году различные иностранные буддийские храмы в Южной Корее объединились с Орденом Чоге, чтобы сформировать Корейскую ассоциацию мультикультурного буддизма (다문화불교연합) для обеспечения межбуддийских межкультурных обменов, продолжая работать вместе во взаимной поддержке [42, с.5].

В 2016 году Ассоциация Маха провела исследование о статусе различных мигрантских буддийских общин в Южной Корее. «Опрос буддийских общин мигрантов: сосредоточение внимания на храмах мигрантов» (이주민 불교공동체 조사연구: 이주민 법당을 중심으로, далее «опрос») дало представление о становлении и эволюции иностранных буддийских общин в Южной Корее с начала 1970-х годов. Опрос выявил семь иностранных буддийских национальных общин, которые в настоящее время

управляют храмами и религиозными центрами в Южной Корее, а именно общину Мьянманская (также известную как бирманская), которая в 2015 году имела 18 123 зарегистрированных жителя в Южной Корее, общину Шри-Ланки с 25 171 жителем, тайскую общину с 27 927 жителями, камбоджийскую общину с 41 991 жителем, непальскую общину с 29 189 жителями, вьетнамскую общину с 128 042 жителями и монгольскую общину с 128 042 жителями. Община, насчитывающая 18 493 жителя [42, с.7].

Хотя число бирманских жителей в Южной Корее сравнительно невелико, тот факт, что бирманский буддизм является старейшей иностранной буддийской общиной в Корее, объясняется значительным первоначальным участием самих корейских буддистов. С конца 1980-х годов медитация Випассаны в бирманском стиле стала популярной благодаря книгам, написанным как западными, так и корейскими авторами, что вдохновило многих корейских буддистов отправиться в Мьянму для длительных медитативных практик под руководством бирманских мастеров. Вернувшись домой, эти корейцы основали множество центров Випассаны и храмов в бирманском стиле в 1990-х годах и начали приглашать бирманских монахов в Корею в качестве учителей медитации. Поскольку в течение того же десятилетия число бирманских рабочих-мигрантов начало увеличиваться, эти храмы и монахи, естественно, приветствовали мигрантов. «Мьянманская община» (미얀마 공동체) была образована в 1996 году и с тех пор работает на благо мьянманских мигрантов по всей стране, а также организует бирманские буддийские фестивали и мероприятия. По состоянию на 2016 год в Южной Корее было создано более 14 бирманских храмов, связанных с общественной организацией Мьянмы, которые обеспечивали бирманских мигрантов семейными ритуалами и общественной деятельностью [43, с.9].

Образовав, возможно, вторую по древности иностранную буддийскую общину в стране, Шри-ланкийские рабочие-мигранты начали въезжать в Южную Корею в конце 1980-х годов. Многие поселились вблизи Ансана, промышленного пригорода Инчхона, где вскоре был основан первый Шри-ланкийский храм. С тех пор Шри-ланкийские мигранты, проживающие в различных частях страны, создали «Ассоциацию буддийской культуры Шри-Ланки» (스리랑카 불교문화 협회), которая работала совместно с поддержкой Ордена Джогье над созданием религиозных центров для Шри-ланкийских мигрантов. С тех пор Ассоциация буддийской культуры Шри-Ланки оказала помощь в строительстве семи Шри-ланкийских храмов по всей стране, которые обеспечивают культурное образование и религиозную деятельность, а также социальную и материальную поддержку шри-ланкийских мигрантов [43, с.9].

Буддийские собрания непальских иммигрантов в Южной Корее начались в 1996 году с основания «Группы непальских буддистов» (네팔불자모임) для обеспечения социальной и религиозной деятельности непальских трудящихся-мигрантов во время их пребывания в Корее. Хотя организация страдала от внутренних конфликтов, связанных с ее функциями, непальские буддийские монахи периодически проводили собрания по просьбе иммигрантов наряду с религиозными мероприятиями в День рождения Будды и различные праздники. В то время как число непальских иммигрантов в Южной Корее растет, по состоянию на 2016 год Непальская буддийская группа проявляет мало признаков роста или расширения своего участия в более поздних прибытиях непальских мигрантов [42, с.7].

Хотя камбоджийский буддизм появился сравнительно недавно, он быстро растет в Южной Корее, поскольку многие камбоджийские мигранты проявляют большой интерес к сохранению своих местных религиозных практик. В 2006 году в Гунпхо (군포시), к югу от Сеула, был создан «Камбоджийский буддийский центр» (캄보디아 불교센터), который с тех пор оказывает религиозную помощь, консультации и медицинскую поддержку, финансируемую активной поддержкой камбоджийских трудящихся-мигрантов. Камбоджийский буддийский центр продолжал расширяться, поддерживая тесные связи с буддистами в Камбодже. Кроме того, центр, как представляется, взял на себя важную роль в международных отношениях между правительствами Южной Кореи и Камбоджи [42, с.7].

Первая тайская буддийская община в Корее возникла неофициально в 2008 году через общественные собрания жен-мигрантов из Таиланда, которые вскоре переросли в регулярные религиозные мероприятия, проводимые в местном корейском буддийском храме Бульгвангса (불광사) в Сокчхон-Донге (석촌동). Перерос свои отношения с корейским храмом-хозяином, община построила свой собственный независимый тайский храм недалеко от Ансана в 2011 году. Однако впоследствии этот храм страдал от финансовых проблем. С 2011 года предпринимались попытки построить несколько дополнительных тайских храмов по всей стране независимо от участия корейских буддистов. Однако они также страдали от финансовых трудностей, возможно, из-за того, что подавляющее большинство их клиентов-домохозяйки – ситуация, которая не имеет места в самом Таиланде [42, с.8].

Несмотря на то, что в Южной Корее проживает столько же жителей, сколько и в Бирме, религиозная деятельность монгольских мигрантов была гораздо менее заметной, возможно, из-за последствий десятилетий религиозного подавления в Монголии при коммунистическом правлении. Первые буддийские службы для монголов прошли в Тэгу в 2008 году. Однако участие было в лучшем случае ограниченным, и богослужения были

прекращены после возвращения монаха в Монголию. Монгольские буддийские мигранты с тех пор запросили субсидии у Ордена Чоге для поддержки монгольской буддийской религиозной и культурной деятельности. Однако решение ордена о финансовой поддержке еще не принято [42, с.8].

Хотя вьетнамская община в Корее является самой большой в опросе Ассоциации Маха, она также является самой последней, кто стал активным буддистским сообществом. Как и в случае с тайскими буддистами в Корее, религиозные мероприятия для вьетнамской общины первоначально организовывались женами иммигрантов, которые в 2013 году основали «Вьетнамскую буддийскую общину в Корее» (재한베트남불교공동체). С 2014 года организацию возглавляет двуязычная вьетнамская женщина, под руководством которой ее деятельность процветает. Вьетнамская буддийская община в Корее привезла в Корею образованных вьетнамских монахов для проведения регулярных служб Дхармы и установления партнерских отношений с корейскими храмами. Помимо обеспечения религиозной деятельности для вьетнамских буддистов, эти монахи также пытаются построить вьетнамский храм, который также может играть различные роли в качестве культурного центра. Эта организация также активно выступала за права вьетнамских мигрантов в Корее и ходатайствовала перед корейским правительством об активной поддержке брачных мигрантов и их детей [42, с.9].

Многие буддийские иммигранты в Южной Корее активно стремятся создать храмы и центры для продолжения своих родных религиозных общин. Создание таких центров не только обеспечивает духовные потребности мигрантов, но и предлагает ценную социальную и образовательную деятельность и другие формы поддержки, а также средства для поддержания связи с их родными традициями и культурной идентичностью во время проживания в чужой стране. Однако успех и долгосрочная жизнеспособность этих иммигрантских храмов сильно варьировались в зависимости от целого ряда факторов. Большинство из них, по крайней мере на ранних стадиях, поддерживались отдельными лидерами или местными общинами, причем некоторые из них приходили в упадок в результате внутренних распрей или смещения их руководства. Кроме того, размер иммигрантских общин, по-видимому, менее важен для успеха их соответствующих храмов, чем то, в какой степени эти храмы были адекватно финансированы. Кроме того, партнерские отношения с корейскими буддистами также являются важным фактором успеха и дальнейшего роста иностранных буддийских общин в Корее [42, с.9].

Как отмечалось выше, снижение рождаемости в Южной Корее в сочетании со старением населения указывает на то, что экономическая

зависимость страны от трудовых мигрантов и импортных невест в ближайшие десятилетия будет только возрастать. Несмотря на законодательные инициативы и кампании в средствах массовой информации, пропагандирующие «мультикультурализм», многие мигранты и их семьи продолжают сталкиваться с дискриминацией, экономическими трудностями и социальными барьерами, препятствующими их успешной интеграции в южнокорейское общество. Учитывая неспособность правительства оказать полноценную поддержку этим мигрантам, корейские НПО и религиозные организации работали над оказанием материальной, образовательной, медицинской и социальной поддержки различным растущим общинам мигрантов. Из трех крупнейших религий Южной Кореи католическая община была наиболее организованной, устойчивой и эффективной в своей поддержке мигрантов, систематически обеспечивая юридические, материальные, образовательные и медицинские потребности различных иммигрантских общин, одновременно отстаивая их права. Несмотря на отсутствие централизованной власти и организации католиков, с 1990-х годов корейские протестанты также активно поддерживают растущие иммигрантские общины своей страны, которые рассматривают как хорошей основой для прозелитизма.

Корейская буддийская община, напротив, гораздо медленнее взаимодействовала с корейскими иммигрантами и оказывала значительно меньше вспомогательных услуг. Корейский буддизм придает большое значение сострадательным действиям, и многие проекты внешней и внутренней помощи уже действуют под эгидой Ордена Чоге, поэтому остается неясным, почему оказание поддержки мигрантским общинам в Корее не является более приоритетным для ордена, особенно учитывая, что большинство этих мигрантов сами являются буддистами. Вполне возможно, что корейские буддисты менее ориентированы на международную помощь и прозелитизм, чем католики и протестанты, или, возможно, Чоге в последние десятилетия был более озабочен своими собственными внутренними скандалами и продолжающимся кризисом из-за сокращения числа членов ордена. Однако в дополнение к гуманитарным и религиозным мотивам, побуждающим Орден Чоге уделять приоритетное внимание своему взаимодействию с мигрантами, многие буддийские иммигранты сами активно ищут поддержки для продолжения своей религиозной практики.

По мнению авторов Ким Кённэ и Пак Чханхван [42] Орден Чоге обязан поддерживать растущие общины мигрантов в Южной Корее путем возрождения, реорганизации и расширения Ассоциации Маха для лучшей поддержки мигрантских буддийских общин в Корее. Это не только привело бы «великое сострадание» Будды в действие и помогло бы собратьям-буддистам, но и стало бы инвестицией в собственное будущее Кореи и

помогло бы поддерживать социальную вовлеченность Ордена Чоге, поскольку нация продолжает идти по пути становления подлинно мультикультурной нации.

Таким образом, корейская *католическая* поддержка мигрантов была непосредственно санкционирована и направлялась политикой Ватикана. С конца 1980-х годов корейская католическая община работает с мигрантами через различные католические организации, которые регулярно оказывают материальную, медицинскую и юридическую помощь, а также социальную поддержку. У протестантов нет централизованной организации и церковного авторитета католиков, однако они активно оказывали поддержку иностранным мигрантов. С начала 1990-х годов многие в южнокорейской протестантской общине работали в поддержку прав человека трудящихся-мигрантов: ассоциация труда иностранных иммигрантов в 1995 году, которая предоставляла юридическую защиту и социальные услуги иммигрантам. Поскольку число протестантов в Корее с начала тысячелетия сокращалось, а число иммигрантов неуклонно росло, протестантские церкви определили иммигрантские общины в Корее как новое поле для миссионерской работы.

В отличие от католиков и протестантов, корейские буддисты сравнительно медленно вступали в контакт с иммигрантами из Южной Кореи. Первоначальная поддержка, оказываемая мигрантам корейскими буддистами, была непостоянной и в основном осуществлялась отдельными активистами и храмами. Активная поддержка орденом Чоге начала осуществляться после 2008 г. с созданием Ассоциации поддержки иммигрантов Маха с финансированием, непосредственно предоставляемым орденом. В отличие от многих протестантских организаций поддержки, религиозное обращение небуддистов не было целью Ассоциации Маха. Однако, поскольку подавляющее большинство трудящихся-мигрантов, прибывающих в Южную Корею, являются выходцами из стран с буддийским большинством, таких как Вьетнам, Таиланд и Мьянма, Ассоциация сыграла важную роль в оказании религиозной поддержки иммигрантским буддийским общинам, организовав места в корейских храмах, где иностранные буддийские сангхи могли встречаться, проводить церемонии и вести беседы о Дхарме на своих родных языках. Сейчас в Корее функционируют семь иностранных буддийских национальных общин, которые в настоящее время управляют храмами и религиозными центрами в Южной Корее, а именно общину Мьянманская (также известную как бирманская), которая в 2015 году имела 18 123 зарегистрированных жителя в Южной Корее, общину Шри-Ланки с 25 171 жителем, тайскую общину (27 927 чел), камбоджийскую (41 991 чел),

непальскую (29 189 чел), вьетнамскую (128 042 чел) и монгольскую общину с 128 042 жителями.

4.2 Негативное отношение

В Корее большинство мультикультурных людей происходит из социально и экономически менее развитых стран. Более того, смысл понятия «мультикультура» заключается не только во всех иностранцах и их культурах, но часто ограничивается культурой социально незащищенного сообщества, включающего иностранных рабочих, замужних женщин-мигрантов и их детей и др. Другими словами, это дискриминация и ненависть в отношении мультикультурных людей из развивающихся стран, которая происходит на основе «превосходства», а не дискриминации в отношении всех иностранцев [32, с.4].

Анализ отношения корейцев к иностранному иммигранту. Согласно опросу идентичности Южной Кореи – South Korean Identity Survey (SKIS), данные которой представлены в таблице 4.1, предпочтение корейцев стать многонациональной/мультикультурной страной снизилось за последние 10 лет, в то время как их предпочтение стать моноэтнической/монокультурной страной в значительной степени осталось неизменным. В частности, в 2010 году 60,6% корейцев выступали за то, чтобы стать многонациональной/многокультурной страной, но к 2020 году это число сократилось до 44,4%. С другой стороны, 37,1% и 39,1% корейцев высказались за то, чтобы стать моноэтнической/монокультурной страной в 2010 и 2020 годах соответственно [27, с.2].

Таблица 4.1 – Предпочтение относительно мультикультурализма (2010-2020).

	2010	2015	2020
моноэтническая/монокультурная страна	37,1%	38,7%	39,1%
многонациональная/мультикультурная страна	60,6%	49,6%	44,4%
«Затрудняюсь ответить»	2,4%	11,7%	13,1%

Примечание: источник [27, с.2].

Отношение к иммигрантам можно объяснить двумя теоретическими перспективами. **Теория социальной идентичности** утверждает, что иммигранты рассматриваются как культурная угроза позитивному статусу символических институтов страны, а также поддержанию ее этнической и культурной сплоченности, в то время как **теория реального конфликта** подчеркивает напряженные социальные отношения из-за возросшей конкуренции за ограниченные ресурсы, причем материальная угроза является

основной проблемой. Чтобы лучше понять источник недавнего снижения общей поддержки мультикультурализма, важно изучить, как отношение корейцев к восприимчивости иммигрантов менялось с течением времени, особенно в том, что касается их восприятия иммигрантов как культурных и материальных угроз [27, с.2].

Судя по результатам опроса, уровень воспринимаемой культурной угрозы за последние 10 лет не повышался. Например, доля положительных ответов на утверждение *«Расовое, религиозное и культурное разнообразие повышает национальную конкурентоспособность»* последовательно увеличивалась с 47,8% в 2010 году до 50,4% в 2015 году, и до 51,8% в 2020 году. Точно так же доля респондентов, согласившихся с тем, что *«большее количество иммигрантов обогащает культуру Кореи»*, немного возросла с 33,6% в 2010 году до 34,5% в 2020 году. На вопрос, *«разрешат ли они своему ребенку жениться на иностранке»*, доля положительных ответов возросла с 30,2% в 2005 году до 32,5% в 2010 году и до 44,3% в 2015 и 2020 годах, что свидетельствует о довольно открытом отношении к семейной ассимиляции.

Однако корейцы проявляют более негативное отношение к вопросам, прямо или косвенно связанными с **материальной угрозой**. Примерами прямой материальной угрозы являются иммигранты, конкурирующие за те же рабочие места, что и местные жители, в то время как косвенная материальная угроза может возникнуть из-за повышения налогов на их благосостояние или перегруженности общественного пространства и инфраструктуры. Согласно результатам исследования SKIS, доля людей, согласившихся с утверждением о том, что *«иностранцы угрожают работе местных жителей»*, составляла 39,4% в 2005 году, но к 2020 году выросла до 42,7%. Кроме того, доля тех, кто считал, что *«корейцы должны обеспечить равные избирательные права и социальные пособия натурализованным гражданам»*, снизилась с 56% в 2010 году до 52,1% в 2020 году, а тех, кто считал, что *«корейцы должны облегчить иностранцам получение корейского гражданства»*, – с 40,7% в 2010 году до 34,2% в 2015 году и до 33,6% в 2020 году. Наконец, доля людей, согласившихся с тем, что *«существуют ограничения на прием иностранцев с различным расовым, религиозным и культурным происхождением»*, увеличилась с 48,9% в 2010 году до 56,9% в 2015 году и до 57,1% в 2020 году [27, с.3].

Следовательно, направление изменения отношения к иммигрантам в Корее не является единым, а скорее многогранным. Корейцы, как правило, демонстрируют растущее признание и терпимость в вопросах, касающихся культурных преимуществ мультикультурализма и международных браков, однако их отношение становится все более неоднозначным в вопросах, которые представляют реальную экономическую угрозу для коренных

жителей, которым приходится конкурировать с новичками за рабочие места, льготы и социальные услуги.

Разница в отношении к мультикультурализму в разбивке по образованию и возрасту. Как правило, отношение к иммиграции тесно связано с возрастом и уровнем образования. В случае Кореи результаты показывают, что предпочтение к мультикультурализму положительно коррелирует с уровнем образования, но отрицательно – с возрастом. Во-первых, что касается образования, то оценки, представленные в таблице 4.2, показывают, что за последние 10 лет поддержка мультикультурализма была значительно выше среди людей со средним специальным или высшим образованием, чем среди людей с общим средним образованием или ниже. Это неудивительно, учитывая, что большинство трудовых мигрантов в Корею – неквалифицированные рабочие, представляющие прямую материальную угрозу для менее образованного населения. Результаты перекрестных таблиц между уровнем образования и тем, считают ли корейцы, что иностранные рабочие угрожают рабочим местам для местных жителей, подтвердили этот вывод, когда доля положительных ответов составила 53,6% для людей со средним общим образованием и ниже, но только 35,1% среди лиц со средним специальным или высшим образованием в 2020 году [27, с.3].

Таблица 4.2 – Предпочтение мультикультурализму по уровню образования (2010-2020 гг.).

Год	Уровень образования	моноэтническая / монокультурная страна	многонациональная/ мультикультурная страна	«Затрудняюсь ответить»
2010	Средняя школа и ниже	52,1%	46,1%	1,8%
	Старшая школа	36,2%	61,8%	2%
	Среднее специальное или высшее образование	32,5%	64,6%	3%
2015	Средняя школа и ниже	44,3%	39,9%	15,8%
	Старшая школа	38,8%	50,4%	10,8%
	Среднее специальное или высшее образование	37%	52%	10,9%

2020	Средняя школа и ниже	52,2%	30,4%	13%
	Старшая школа	40,5%	41,3%	13,5%
	Среднее специальное или высшее образование	33,8%	51,3%	12,7%

Примечание: источник [27].

Далее, как показано на графике 4.1, характер изменения предпочтения мультикультурализма по возрастным когортам неоднороден во времени. В частности, в 2010 году люди в возрасте от 20 до 30 лет проявили сильное предпочтение мультикультурализму, причем 65,3% поддержали утверждение о том, что эта страна должна стать многонациональной/мультикультурной страной. Однако в 2015 году доля сторонников мультикультурализма среди этой возрастной группы резко снизилась до 47%, что ниже доли сторонников мультикультурализма среди людей в возрасте 40 лет и старше – 51,1%. Однако такое обратное отношение было недолгим, поскольку в опросе 2020 года те, кому было 20-30 лет, продолжали демонстрировать самую высокую поддержку мультикультурализма – 53,9%. Эти оценки показывают, что, хотя снижение предпочтений мультикультурализма в период с 2010 по 2015 год было в основном связано с падением поддержки среди молодого поколения, снижение предпочтений мультикультурализма с 2015 по 2020 год произошло за счет снижения поддержки среди людей в возрасте 40 лет и старше, несмотря на увеличение поддержки со стороны тех, кому было 20-30 лет.

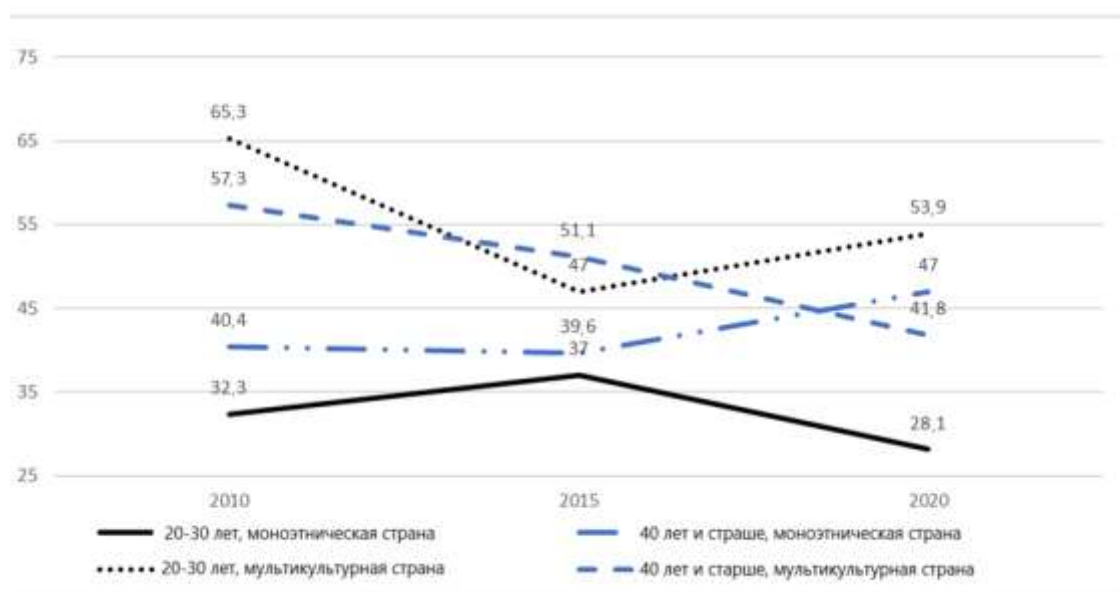

Рисунок 4.2. Характер изменения предпочтения мультикультурализма по возрасту. [27].

Таким образом, за последние 10 лет поддержка мультикультурализма была значительно выше среди людей со средним специальным или высшим образованием, чем среди людей с общим средним образованием или ниже. Это неудивительно, учитывая, что большинство трудовых мигрантов в Корею – неквалифицированные рабочие, представляющие прямую материальную угрозу для менее образованного населения. Люди в возрасте 20-30 лет, демонстрируют самую высокую поддержку мультикультурализма, в отличие от тех, кому 40 лет и старше. Однако тенденция предпочтения многоэтнической страны не приобрела сильного влияния как среди молодежи, так и среди людей старшего поколения.

Отношение корейских профсоюзов. В самом начале 2000-х гг. многие корейские профсоюзы не считали проблемы мигрантов частью своих интересов, а те, кто работает в строительном секторе, придерживались мнения, что трудящиеся-мигранты отбирают у них работу. Также правительство в то время проявило негативное отношение к рабочим-мигрантам: 1) отказ признать законный статус профсоюза рабочих мигрантов; 2) целенаправленные аресты и депортация руководства профсоюза [50, с.11].

Сеульское региональное управление труда первоначально отклонило заявление трудящихся-мигрантов об официальном признании профсоюза. Трудящиеся-мигранты подали иск, но суд низшей инстанции оставил в силе первое решение и снова отказал в признании в качестве профсоюза на юридическом уровне. Однако впоследствии апелляционный суд встал на сторону истцов, направив дело в Верховный суд для вынесения окончательного решения. В то время как Верховный суд Южной Кореи держал статус профсоюза в подвешенном состоянии в течение восьми лет, первые шесть лидеров профсоюза мигрантов были депортированы из Южной Кореи. Через десять лет после того, как трудящиеся-мигранты впервые подали иск, Верховный суд Кореи вынес решение в пользу профсоюза мигрантов [50, с.11].

В 2012 году была сформирована Сеть центров для мигрантов в Корею, которая участвовала в различных акциях солидарности, направленных на поддержку нерегулярных работников по всей стране и оказание давления на правительство с целью принятия политических решений по улучшению условий занятости нерегулярных работников [13].

Проблемы интеграции в корейское общество трудовых и мультикультурных семей. Корейское правительство проводит огромное количество программ, однако за количеством теряется качество многих из них, что ведет к упущениям отдельных звеньев, и вся система начинает рушиться. Интеграционными вопросами, как мы выяснили ранее, занимаются практически все министерства. В задачу социально-адаптивных программ входит обучение языку и культуре, помощь при трудоустройстве,

консультации в воспитании нового поколения, психологическая и правовая защита мигрантов. Тем не менее, выделяя национальные меньшинства в класс уязвимых, который не сможет существовать без государственной поддержки, среди коренного населения начинают нарастать ревность и чувство неполноценности, что в свою очередь приводит к антагонистическим чувствам по отношению к мигрантам, особенно с низким доходом и социальным положением [13].

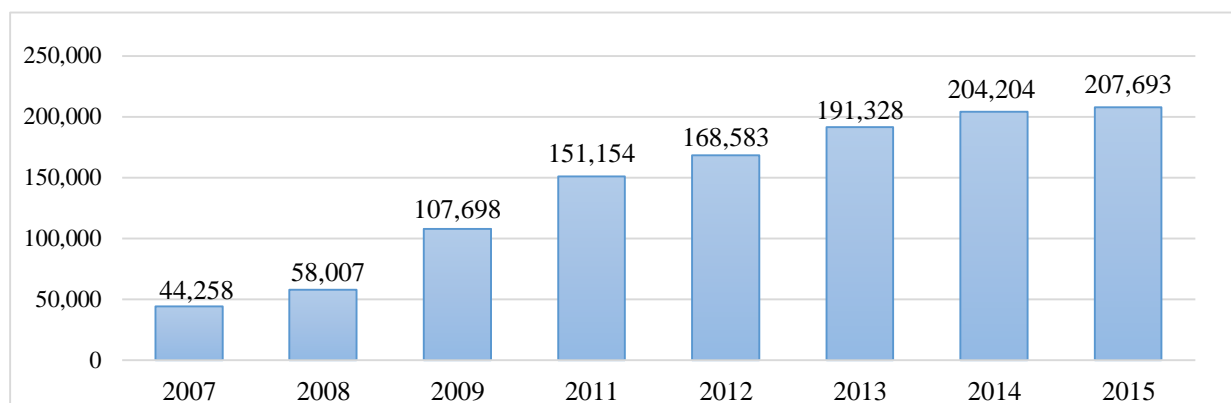
Негативные отношения к иммигрантам возрастают и с ухудшением экономической ситуации, ростом диспропорции между доходами и уровнем занятости населения, а также сильным имущественным расслоением. Уровень безработицы начал расти с 3,2% в 2007 г. до 4% в 2017, а среди молодежи до 8% в том же году. Ухудшилось положение постоянных работников, которые стали заменяться временными работниками. Вследствие экономических проблем и волны всеобщего недовольства, в низкоквалифицированных рабочих мигрантах общество видит угрозу, а намерение правительства улучшить положение мигрантов поддается критике [26].

Еще одной причиной негативного отношения может быть корейский национализм, основывающийся на единстве крови, общим историческим прошлым, едином языке и общим предком (Тангун), находится глубоко, на подсознательном уровне корейцев. Историческая гомогенность и закрытость сильно сплотило общество, как в период Чосона, так и в период подъема национально-освободительного движения против японской оккупации. В связи с этим, на раннем этапе освоения мигрантов в Корее, общество ставило в приоритете национальную идентичность, чем гражданские ценности. Однако со временем оба критерия стали иметь равноценное значение. Так, в опросах 2003 и 2007 гг., большинство корейцев, отвечая на вопрос «что для вас значит быть корейцем» отмечали *этнические факторы*, например, иметь корейских родителей, родиться в Южной Корее или быть наследником корейской культуры и традиций, наряду с *гражданскими*: уметь общаться на корейском языке, уважать корейские законы, чувствовать себя корейцем и иметь корейское гражданство [79].

Получение гражданства в Корее для трудовых мигрантов практически невозможно, ввиду ограничения срока действия рабочей визы. Для подачи заявки на натурализацию необходимо прожить на территории Кореи в течение 5 лет, а срок действия визы E-9 ограничивается 4 годами и 10 месяцами, по истечении которых необходимо вернуться в свою страну и прожить там 3 месяца для повторного въезда. Брачным мигрантам получить гражданство проще, но им придется отказаться от своего в пользу корейского, так как Корея не признает двойного гражданства [71, с.85].

Увеличение доли иностранок в этнически гомогенной Корее вызывало опасение утрачивания национальной идентичности, так как женщина играет огромную роль в воспитании и передаче культурных ценностей ребенку. Немало важно отношение самих корейцев к детям из мультикультурных семей. Большинство коренных жителей не взаимодействуют с иностранцами, даже если они разделяют общее социальное пространство (общая школа или один район). Их принятие членов межнациональных семей как полноправных граждан Кореи далеко от того, которое должно быть в мультикультурном обществе. Следовательно, дети из обычных семей воспринимают мультикультурных как «других» из-за видимых отличительных внешних признаков: более темного цвета кожи или другого разреза глаз. В отношении межрасовых детей было придумано оскорбительное прозвище “kosian” (코시안), где “ko” означает «корейский», “sian” – «азиат». Все усложняется тем, что число мультикультурных детей с каждым годом растет [53, с.40].

Таблица 4.3 – Число детей из мультикультурных семей за 2007-2015 гг.

Примечание: источник[81].

Ежегодно в общеобразовательные школы поступают около тысячи межэтнических детей. По данным Министерства образования Республики Корея, с 2010-2015 гг. число учеников из мультикультурных семей увеличилось с 0,4% до 1,4% [34], что соответствует увеличению в 50 тыс. учеников. За понимание культурного разнообразия и воспитание толерантности отвечает мультикультурное образование, которое было введено в корейских школах как дополнительный урок на в 3 и 4-х классах младшей школы. Несмотря на государственную поддержку мультикультурного образования во всех образовательных учреждениях, в школах, где нет мультикультурных учеников, не проводятся дополнительные уроки. Согласно результатам опроса среди 109 преподавателей младших классов в 2012 г. 64% не были задействованы в мультикультурных образовательных программах [34]. Более того, учителя не становятся исключением из стереотипизированного мышления. Это же исследование

показало, что многие учителя при перечислении ассоциативного ряда к понятию «мультикультурализм» упоминали «брачных мигранток», «трудовых мигрантов», «страны ЮВА», «семьи с низким доходом», «сельская местность» и т.д. В результате складывается негативное отношение к мультикультурализму из-за предрассудков преподавателей и непонимания значимости обучения учеников младших классов мультикультурализму [53, с.41].

В 4 классе начальной школы на уроках обществознания, этики или на специальных уроках мультикультурализма проходят темы, посвященные толерантности по учебникам, которые включают разделы о мигрантах. Информация, представленная в учебных пособиях, во-первых, почти не упоминает о вкладе мигрантов в развитие страны, во-вторых, сообщество мигрантов обособляется как проблемная группа, которой необходима поддержка правительства, в-третьих, социоэкономические проблемы брачных мигранток объясняют недостаточными знаниями корейского языка и культуры. Таким образом, вместо прививания детям уважения и чувства терпимости к «другим», школьные учебники создают еще большую дистанцию между «своей» и «чужой» [34].

В результате при переходе от одного этапа взросления к другому, корейские подростки, чувствуя себя выше по положению и статусу, чем мигранты, склонны к дискриминации и насилию на расовой почве, ксенофобии. По данным «Обследования мультикультурных семей» в 2015 г. 65% детей из мультикультурных семей не могли завести нормальных дружеских отношений, 8% испытывали трудности из-за внешности, 2.5% столкнулись с проявлением дискриминации со стороны учителей, вследствие чего ребенок использует трудности в адаптации к школьной жизни. Из опрошенных 62 тыс. детей 3 тыс. столкнулись со школьным насилием, причем большинство испытало его в юном возрасте (9-11 лет). По сравнению с результатами опроса в 2012 г. тренд сократился на 3.7% [23].

Тем не менее, нельзя всю вину на образовательные институты, так как многое зависит от воспитания ребенка внутри семьи. Многие исследователи отмечают огромное количество факторов, влияющих на формирование психики, эмоциональной стабильности и когнитивных способностей. Прежде всего, сюда стоит отнести атмосферу в семье.

Серьезные семейные ссоры могут стать препятствием в адаптивном процессе иностранных жен, особенно в первые несколько лет брака. Также конфликты могут сильно повлиять на взаимоотношения между членами семьи, между родителями и детьми или старшим поколением. Наконец, частота конфликтов ведет к неудовлетворению жизни, депрессиям и психическим расстройствам каждого из членов семьи. По данным

Обследования у 66,6% женщин за год хотя бы раз случались семейные ссоры [23].

Причины конфликтов были следующими: разница в характере (34,7%), проблемы в поведении и воспитании детей (17,4%), коммуникативные трудности (15,4%), разница в культурных, религиозных ценностях (13,1%), проблема с алкоголем (10,1%), разногласия с родителями мужа (10%). Причем, ответы женщин и мужчин отличаются. Так, у мужчин нет последних двух позиций (алкоголь и родители). Ссоры на почве культурно-религиозных различиях происходят чаще в первые несколько лет брака, также это касается языка. Интересно, что решить конфликты решаются далеко не все, но сначала попытаются поговорить (55% женщин и 64% мужчин), а «просто терпеть» будут 44,6% [23].

Родители корейского мужа часто воспринимают жен из Юго-Восточной Азии как домработницу, которая обязана помогать старшим, растить детей и заниматься хозяйством. Многие матери следят за привычками, потакают и заставляют насильно следовать корейским порядкам. Некоторые запрещают невесткам использовать родной язык и готовить национальную кухню. Сельское общество достаточно лояльно относится к ним, но «они принуждают нас к усвоению культурных ценностей. Мы не против, но они также хотят, чтобы мы забыли о своей родной культуре», – пишет член ассоциации жен из Филиппин, Мэй Кордова [58].

Мужчины редко встают на сторону жены, а попытки восстановить справедливость заканчиваются угрозами развода со стороны мужа. Бегство или развод накладывают неизгладимый отпечаток на будущую жизнь женщины. Корейские консервативные СМИ называют их «беглянками», которые избегают ответственности и эгоистками, неспособными выполнить свои обязанности [13].

В целом корейские СМИ изображали иностранных жен как бедных и нуждающихся в поддержке, ссылаясь на уровень развития стран их происхождения, низкий уровень образования и владение языком, что отвечало всеобщим стереотипам в корейском обществе. Роль СМИ для корейского правительства было важно для продвижения ценностей мультикультурного общества, которое возможно было построить с помощью государственной поддержки мультикультурных семей. Тем не менее, концентрируясь только на негативных последствиях межнациональных браков, например, на домашнем насилии или адаптационных трудностях подростков, СМИ создали почву для антимультикультурных настроений [79].

Антимультикультурализм появился в корейском обществе сравнительно недавно, но за столь непродолжительное время сплотил вокруг себя достаточно широкий круг единомышленников. Появление данного феномена

обусловлено распространением ксенофобии и антимультимедийных идей с помощью интернет-пространства. Все посты или комментарии анонимных пользователей, выступающих против культурного многообразия можно разделить на основные идеи: угроза национальной идентичности, посягательство на рабочие места корейских граждан, проявления расовой дискриминации и ксенофобии по отношению к любым иностранцам. К первым относятся высказывания против межрасовых браков, так как женщины получают корейское гражданство, заводят детей, у которых смешанная кровь, что портит общую кровь нации, которая строилась на единстве крови, истории, языке и т.д. Трудовые мигранты выглядят гораздо привлекательнее для работодателя, так как их труд низкооплачиваемый, его можно эксплуатировать по своему усмотрению, а также сами мигранты не против работы вида 3D (от англ. «difficult, dirty and dangerous», что означает «сложная, грязная и опасная»). Впоследствии с увеличением занятости мигрантов и зависимости отдельных хозяйственных секторов от их труда, общий уровень оплаты труда начинает падать [53, с.45].

Проявление ксенофобии опасно тем, что общество порождает все больше стереотипов, основанных на вышеперечисленных страхах. К ним же еще можно добавить угрозу национальной безопасности и здравоохранения. Исследователи говорят, что данные страхи основаны на чужом мнении или преувеличенных сведениях. Нарочное преувеличение – это оружие современных идеологов антимультимедийного идеализма, так как они смотрят на факты с одной стороны, не анализируя и выдергивая из контекста. Так, в 2014 г. один из законодателей иностранного происхождения был обвинен в подписании законопроекта о предоставлении государственных сервисов детям нелегальных мигрантов. В действительности было только предложено принять законодательный акт «Об основных правах детей мигрантов». Безусловно, такие лживые «новости» в интернет-сообществах провоцируют множество слухов, что негативно сказывается на репутации иностранных граждан [55, с.45].

Также следует упомянуть случай, когда интернет был заполнен злобными комментариями о ребенке из семьи мигрантов, который появился в популярном во всем мире музыкальном клипе в 2012 году и стал известен как «Маленький Псай» (Little Psy). Как только появилась информация о том, что его мать родом из Вьетнама, сайт его агентства был парализован из-за многочисленных злобных комментариев [56]. Этот инцидент был воспринят как чрезвычайно серьезной социальной проблемой, поскольку объектом расистских постов был ребенок, и они критиковали его за то, что он был из мультимедийной семьи, которая была главным субъектом мультимедийной политики, которую проводило правительство [55, с.46].

Также был случай с Ли Жасмин – первой натурализованной брачной мигранткой, занявшей место в Национальной ассамблее от правящей партии Сэнури (새누리당) в 2012 г. Получив должность, она стала объектом издевательств и унижений со стороны корейцев, которые обсуждали ее и ее семью в социальных сетях [55, с.46].

Следовательно, негативные отношения к иммигрантам возрастают и с ухудшением экономической ситуации, ростом диспропорции между доходами и уровнем занятости населения, а также сильным имущественным расслоением. Еще одной причиной негативного отношения может быть корейский национализм, основывающийся на единстве крови, общим историческим прошлым, едином языке и общим предком (Тангун). Увеличение доли иностранок в этнически гомогенной Корее вызывало опасение утрачивания национальной идентичности, так как женщина играет огромную роль в воспитании и передаче культурных ценностей ребенку. Также несмотря на государственную поддержку мультикультурного образования во всех образовательных учреждениях, в школах, где нет мультикультурных учеников, не проводятся дополнительные уроки. Что же касается школьных учебников, то информация, представленная в учебных пособиях в начальных классах, почти не упоминает о вкладе мигрантов в развитие страны; сообщество мигрантов обособляется как проблемная группа, которой необходима поддержка правительства; социальноэкономические проблемы брачных мигрантов объясняют недостаточными знаниями корейского языка и культуры. Таким образом, вместо прививания детям уважения и чувства терпимости к «другим», школьные учебники создают еще большую дистанцию между «свой» и «чужой». Также серьезные семейные ссоры на почве культурно-религиозных различиях могут стать препятствием в адаптивном процессе иностранных жен, а распространение ксенофобии и антимультимкультурных идей с помощью интернет-пространства может еще больше усугубить ситуацию для брачных мигрантов и их семей.

В целом, корейский антимультимкультурализм не стал идеологическим движением, которое бы сформировалось в оппозицию. Скорее правильно его охарактеризовать как эмоциональная критика, направленная не на сам мультикультурализм или недостатки в защите прав человека, иммиграционную политику, а на самих мигрантов. Тем не менее, само появление такого движения говорит о том, что корейцы неоднозначно реагируют на действие правительства в отношении политики мультикультурализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За прошедшие 70 лет экономика Республики Корея претерпела радикальную трансформацию, что впоследствии привело страну к противоречивому демографическому парадоксу. Ситуация с миграцией в мире вместе с существующими социальными проблемами, такими как снижение рождаемости и старение населения, вносит сильные изменения в корейское общество, что находит отражение в изменении положения мигрантов и в государственной политике Южной Кореи.

В ходе проведённого исследования выявлены следующие демографические проблемы: низкая рождаемость (2018 г. суммарный коэффициент рождаемости в Южной Корее впервые упал ниже единицы — до 0,98); старение населения, увеличение числа мигрантов (как следствие рост межэтнических семей).

Причинами низкой рождаемости можно назвать высокий социальный статус женщин, их активное участие в экономической деятельности, изменение отношения к рождению детей, бремя на воспитание и образование детей, «поколение сампхо» (삼포세대 (三抛世代)), экстремальная внутренняя конкуренция. И как следствие весь этот комплекс причин привел к демографическому кризису в стране.

В соответствии с поставленными задачами определены основные причины возникновения мультикультурализма, охарактеризованы иммиграционные тенденции в Республике Корея и проанализированы изменения взглядов корейцев в отношении межэтнических браков. С ростом уровня иммиграции в Корею отношение корейцев к иностранцам изменилось. До прошлого века большинство корейцев гордилось тем, что они были гражданами одной расы однородной нации, но теперь общественное мнение в корейском обществе стремится преодолеть миф об моноэтнической нации и реализовать зрелое мультикультурное общество.

В результате исследования рассмотрены следующие проблемы: трудности адаптации мигрантов, вступающие их в корейское общество, а также были предложены пути их решения. Корейский мультикультурализм имеет узкое значение, которое относится к мультикультурным семьям. В то время как трудовые мигранты и их семьи остаются за пределами данной концепции. Это можно объяснить желанием правительства сократить срок пребывания низкоквалифицированных рабочих мигрантов, ужесточая критерии отбора и контроль над деятельностью работника и работодателя. Различия мигрантов с коренными корейцами с точки зрения физических

особенностей, языка и обычаев являются источниками социальной напряженности и беспокойства для основного населения.

Снижение рождаемости в Южной Корее в сочетании со старением населения указывает на то, что экономическая зависимость страны от трудовых мигрантов и импортных невест в ближайшие десятилетия будет только возрастать.

В ходе исследования была определена позиция государства отношении мультикультурных семей. Отношение со стороны политической элиты в целом можно охарактеризовать как положительное. Они активно оказывают поддержку и предпринимают постоянные попытки предложить новые законы или пересмотреть существующие законы, касающиеся мигрантов. Создаются специальные комитеты и центры поддержки для мультикультурных семей и мигрантов.

Несмотря на законодательные инициативы и кампании в средствах массовой информации, пропагандирующие «мультикультурализм», многие мигранты и их семьи продолжают сталкиваться с дискриминацией, экономическими трудностями и социальными барьерами, препятствующими их успешной интеграции в южнокорейское общество. Учитывая неспособность правительства оказать полную поддержку этим мигрантам, корейские религиозные организации (христианские и буддийские) работали над оказанием материальной, образовательной, медицинской и социальной поддержки различным растущим общинам мигрантов.

Установлены особенности влияния иммиграционной политики корейского правительства в отношении иммигрантов и их семей. Иммиграционная политика Кореи имеет вид ассимиляционной, чем мультикультурной, так как, с одной стороны, правительство заставляет учить иммигрантов язык, культуру и историю страны прибытия. В данном случае есть некоторые плюсы. Во-первых, мигрантам проще адаптироваться в новой стране, зная язык хотя бы на бытовом уровне. Во-вторых, во избежание столкновений между разными культурами, верованиями и традициями, изучение культуры принимающей стороны – проявление уважения и желания сотрудничать.

С другой стороны, являясь гарантом и защитником основных прав и обязанностей иностранных граждан, правительство обязано не допускать проявлений расовых или иных форм дискриминаций, защищать трудовые права иностранных работников и следить за брачной миграцией.

Также удалось выяснить, что корейцы проявляют более негативное отношение к вопросам, прямо или косвенно связанными с материальной угрозой. Примерами прямой материальной угрозы являются иммигранты, конкурирующие за те же рабочие места, что и местные жители, в то время как

косвенная материальная угроза может возникнуть из-за повышения налогов на их благосостояние или перегруженности общественного пространства и инфраструктуры. Трудовые мигранты выглядят гораздо привлекательнее для работодателя, так как их труд низкооплачиваемый, также сами мигранты не против работы вида 3D (от англ. «difficult, dirty and dangerous», что означает «сложная, грязная и опасная»).

Таким образом, внедрение мультикультурной политики в корейское общество, которое было в течение долгого времени моноэтническим, до сих пор нуждается в активной проработке. Тем не менее, существование нынешней политики – это уже большой шаг перехода от полной уверенности и веры в гомогенность и чистоту крови к принятию других культур. Концепция мультикультурализма находится в постоянном развитии, поэтому требует от южнокорейского общества активного участия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браки между корейцами и иностранцами на минимальном уровне за 5 лет// Всё о Корее. Режим доступа: <https://vseokoree.com/news/braki-mezhdu-korejtsami-i-inostrantsami-na-minimalnom-urovne-za-5-let>. – Дата доступа: 05.04.2021.
2. Демография: учеб. пособие / А.И. Щербаков, М.Г. Мдинарадзе, А.Д. Назаров, Е.А. Назарова; под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора А.И. Щербакова. — М.: ИНФРА-М, 2017. — 216 с.
3. Ем, Н.Б. Мультикультурализм по-корейски: трудности альтернативных СМИ/ Н.Б. Ем// Казахский национальный университет имени аль-Фараби. – 2016. – 8 с.
4. Ем, Н.Б. Социальная адаптация детей в международном браке женщин Центральной Азии в Южной Корее в 2000-е годы/ Н.Б. Ем// Научные статьи Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/11736>. – Дата доступа: 05.05.2021.
5. Ким, Г. Н. Демографический процесс в Республике Корея и предпосылки эмиграции/ Ким Г.Н// Вестник КазНУ. – 2006. – №3. – С.43-48.
6. Ким, Г. Н. Республика Корея / Г. Н. Ким. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 584 с.
7. Ключкова, Д.Е. Межкультурные браки в Корее/ Д.Е. Ключкова// Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. – 2016. – С.313-315.
8. Корейско-русский словарь NAVER [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://koreandict.naver.com/russian/#/main>. – Дата доступа: 15.05.2021.
9. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы / Пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А.В. Куряева. – М.: Мысль, 2011. – С. 482.
10. Ланьков, А.Н. Корейская семья и корейская демография 1900-2000 гг./ А.Н. Ланьков// Журнал Ким [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/7-xING6wUrg>. – Дата доступа: 02.09.2020.
11. Ланьков, А.Н. Старость не радость / А.Н. Ланьков // Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/651282/andrei-lankov/starost-ne-radost>. – Дата доступа: 02.04.2021.
12. Логунова, Ю. А. Характеристика демографической ситуации в Республике Корея/ Ю. А. Логунова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 8. – С. 1-6.

13. Озерова, Н.А. Современные миграционные тренды в Республике Корея и вызовы мультикультурализма / Н.А. Озерова // Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики. – 2017. – 58 с.
14. Самсонова (Пак), В. Г. Миграция в РК: современное состояние, проблемы, перспективы/ В. Г. Самсонова (Пак) // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 4. – С. 87-98.
15. Самсонова (Пак), В.Г. Проблемы старения населения в Республике Корея/ В.Г. Самсонова (Пак) // Экономика, образование, право: Материалы Байкальской междунар. научно-практич. конф. — Улан-Удэ: ВСГТУ. – 2003. – С. 175–176.
16. Самсонова (Пак), В.Г. Тенденции развития демографической ситуации в Республике Корея / В.Г. Самсонова (Пак) // Доклады VII научной конференции корееведов «Россия и Корея в меняющемся мировом порядке» / РАН, Ин-т Дальн. Востока. М., 2003. – С.129-135.
17. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://synonymonline.ru/>. – Дата доступа: 24.08.2020.
18. Хренов, В.В. Социально-экономические последствия мультикультурализации южнокорейского общества / В.В. Хренов // История, экономика, международные отношения. – 2016. – С. 402-408.
19. Эм П.П. Республика Корея. Второй Демографический переход: особенности и результаты / Эм П.П. // АЗИЯ И АФРИКА сегодня. – 2019. – № 1. – С.38-46.
20. Эм, П. П. Пространственное развитие урбанизации на Корейском полуострове: сравнение Юга и Севера / П. П. Эм. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. – 2018. – 204 с.
21. Эм, П. П. Изменение демографического поведения на Корейском полуострове во второй половине XX – начале XXI вв./ П. П. Эм // География в школе. – 2013. – № 5. – С.19-25.
22. Act on the Treatment of Foreigners in Korea// Ministry of Government Legislation. Режим доступа: <http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng?pstSeq=47580>. – Дата доступа: 05.04.2021.
23. An Analysis on the National Survey of Multicultural Families 2015 Multicultural Policy division// Ministry of gender Equality and family. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mogef.go.kr/mp/pcd/mp_pcd_s001d.do?mid=plc503. – Дата доступа: 05.04.2021.
24. Andre M.N. Renzaho. Migration challenges and health policy in South Korea/ M.N. Andre// Globalisation, Migration and Health: Challenges and Opportunities. – 2016. – P.427-478.
25. Annual Report on Arrivals and Departures 1980-2011// Korea Immigration Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.immigration.go.kr/HP/COM/bbs_003/BoardList.do?strNbodCd=noti0096&strOrgGbnCd=104000&strFilePath=imm/&strRtnURL=IMM_6050&strNbodCdGbn=&strType=&strAllOrgYn=N. – Дата доступа: 02.04.2021.

26. Bak Hyeon-Uk. Low Fertility in South Korea: Causes, Consequences, and Policy Responses/ Hyeon-Uk Bak // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance – 2019. – 11 p.

27. Cho Rosa Minhyo. Waning Support for Ethnic Minorities in South Korea: Change in Public Mind from Cultural to Materialistic Concerns/ Rosa Minhyo Cho // Asian Democracy Issue Briefing. – East Asia Institute, 2020. – 6 p.

28. Demographic Structure [Editorial] // Korea Herald [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20140714000570>. – Дата доступа: 05.05.2021.

29. Draudt Darcie. South Korea's National Identity Crisis in the Face of Emerging/ Darcie Draudt // Georgetown Journal of International Affairs. – 2016. – Vol.17, №1. – P.12-19.

30. Ghazarian Peter G. Multiculturalism in South Korea: examining government aspirations through the second basic plan for immigration/ Peter G. Ghazarian/ Peter G. Ghazarian // Multicultural Education Review. – 2018. – vol. 10, № 1. – P. 18–34.

31. Han Geon-Soo. Multicultural Korea: Celebration or Challenge of Multiethnic Shift in Contemporary Korea?/ Geon-Soo Han // Korea Journal. – 2007. – Vol.47, №4. – P. 32-63.

32. Jang Joon-Oh. Korean Perceptions on Foreign Immigrants/ Joon-Oh Jang // The Migration Research and Training Centre of the International Organization for Migration Republic of Korea. – 2015. – 22 p.

33. Jeon Jisoo. Immigrant Vietnamese women's adaptation to culture and society in rural areas of Korea/ Jisoo Jeon // Plos One [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0212265#sec004>. – Дата доступа: 05.04.2021.

34. Ji Eun-Young. An analysis of multicultural education in Korean elementary schools/ Eun-Young Ji // San Francisco State University [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/reader/48501960>. – Дата доступа: 02.04.2021.

35. Jogye Order of Korean Buddhism. 2018. Maha Association for Supporting Migrants [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koreanbuddhism.net/bbs/board.php?bo_table=2030. – Дата доступа: 05.04.2021.

36. Justice Party seeks to set up organization for migrants// The Korea Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/02/356_283727.html. – Дата доступа: 05.04.2021.

37. Juszczak-Frelkiewicz Katarzyna. International divorces in South Korea – Demographic Characteristic/ Katarzyna Juszczak-Frelkiewicz // *Edukacja Humanistyczna/ University of Silesia*. – 2018. – P.99-112.
38. Kim Hyun-Mee. The State and Migrant Women: Diverging Hopes in the Making of ‘Multicultural Families’ in Contemporary Korea/ Hyun-Mee Kim // *Korea Journal*. – 2007. – Vol. 47, №2. – P.100-122.
39. Kim Hyun-Sook. The Social Integration Policy for Foreigners in Korea and its Effects on Migrant Women’s Networks: An Observational Study/ Hyun-Sook Kim // *The Journal of Multicultural Society*. – 2018. – Vol. 8, No. 3. – P.126-160.
40. Kim Jeong-Hee. Understanding the “Other”: Rethinking Multiculturalism in South Korea through Gadamer’s Philosophical Hermeneutics/ Jeong-Hee Kim/ Jeong-Hee Kim // *International Journal of Multicultural Education*. – 2018. – Vol. 20, №1. – P. 102-117.
41. Kim Ji-Yoon. National Identity under Transformation: New Challenges to South Korea/ Ji-Yoon Kim // *Asan Forum [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.theasanforum.org/national-identity-under-transformation-new-challenges-to-south-korea/>. – Дата доступа: 05.04.2021.
42. Kim Kyungrae. Migrant Buddhists and Korean “Multiculturalism”— A Brief Survey of the Issues Surrounding Support for South Korea’s Immigrant Buddhist Communities/ Kyungrae Kim, Cheongwan Park // *Religions*. – 2020. – 11 p.
43. Kim Kyun-Grae. Some Contemporary Dilemmas of Korean Buddhism: A Critical Review of the Jogye Order’s 2018 Periodic Report/ Kyun-Grae Kim, Kim Eun-Young, Wang-Mo Seo, Cheng-Hwan Park // *Religions*. – 2019. – 11 p.
44. Kim Minjeong. Citizenship Projects for MarriageMigrants in South Korea: IntersectingMotherhood with Ethnicity and Class/ Minjeong Kim// *Social Politics*. – 2013. – Vol.20, №4. – P.454-481.
45. Kim Nak-Nyeon. Historical Statistics of Korea/ Kim Nak-Nyeon// *Korean Social Sciences Review*. – 2012. – Vol. 2, № 2. – P.1-34.
46. Kim Andrew. Demography, Migration and Multiculturalism in South Korea/ Andrew Kim//*Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. – 2009. – Vol.7, №2. – P.1-18.
47. Korea Needs Shift in Multicultural Policy// *The Korea Times [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2014/03/180_125554.html. – Дата доступа: 02.05.2021.
48. Kymlicka, W. Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State / W. Kymlicka, K. Ban-ting // *Ethics and International Affairs*. – 2006. – P. 281.
49. Labor reforms make it easier for companies to fire and change rules // *The Hankyoreh*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/708923.html. – Дата доступа: 05.04.2021.

50. Lee Byoung-Hoon. Labour unions and worker representation in South Korea/ Byoung-Hoon Lee // Chung-Ang University. – 2006. – 32 p.

51. Lee Chul-Woo. How Can You Say You're Korean? Law, Governmentality and National Membership in South Korea/ Chul-Woo Lee // South Korea: Politics and Culture of Citizenship. – 2012. – Vol.16, № 1. – P.85-102.

52. Lee Hae-Young. Demographic transition in Korea/ Hae-Young Lee // Fertility Transition of the East Asian Populations – 1977. – P. 81-96.

53. Lee Reginald J. "Acculturalism" as an Alternative to Multiculturalism: The Case of Rapidly Transforming South Korea/ Reginald J. Lee // Journal of Korean Studies/ Hanyang University. – 2017. – P.24-50.

54. Lee Yean-Ju. International Marriages in South Korea: The Significance of Nationality and Ethnicity/ Yean-Ju Lee// Journal of Population Research. – 2006. – Vol. 23, № 2. – P. 165-182.

55. Lee Yong-Seung. Multiculturalism and Anti-multiculturalism Phenomena in South Korea/ Yong-Seung Lee // The Gakushuin Journal of International Studies. – 2016. – Vol 3. – 36 p.

56. 'Little Psy' Hwang Min-woo: "My Mom Was Born in Vietnam but Is a Korean Citizen. Why Should She Leave This Country?"// The Kyunghyang Shinmun. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://english.khan.co.kr/khan_art_view.html?artid=201305031544307&code=710100. – Дата доступа: 05.04.2021.

57. Main opposition seeks to attract young people disgruntled with ruling party// The Korea Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/09/113_295899.html. – Дата доступа: 05.04.2021.

58. May Cordova. My story of a Marriage Migrant In Korea// ISIS International. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isiswomen.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1130:my-story-of-a-marriage-migrant-in-korea&catid=22&Itemid=449. – Дата доступа: 05.04.2021.

59. Mehra Suhena. What is Korean Identity? / Suhena Mehra, Sea Young Kim// Spring 2020 EAI Internship Project/ The East Asia Institute. – 2020. – 11 p.

60. Moon Katharine H.S. South Korea's Demographic Changes and their Political Impact/ Katharine H.S. Moon // The Brookings Institution: East Asia Policy Studies – 2015. – P.1-27.

61. Multicultural families double over eight years // Korea Joongang daily [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korea Joongangdaily.joins.com/news/article/Article.aspx?aid=3010284>. – Дата доступа: 02.05.2021.

62. Naver 어학 사전 (Толковый словарь Навер) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.naver.com>. — Дата доступа: 12.04.2018.

63. Prey Robert. Different Takes: Migrant World Television and Multiculturalism in South Korea/ Robert Prey// Global Media Journal – Canadian Edition. – 2011. – Vol. 4. – P. 109-125.
64. Religion // Korea.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.korea.net/AboutKorea/Korean-Life/Religion>. – Дата доступа: 05.04.2021.
65. Ruling party embraces multicultural policies for election // The Korea Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/12/356_280993.html. – Дата доступа: 05.04.2021.
66. Ryu Yihyun. Governing Minority Groups in South Korea: A Case Study of Multiculturalism Policy's Inclusions and Exclusions/ Yihyun Ryu // Carleton University. – 2020. – 380 p.
67. Sam Hyun-Yoo. Ultra-low fertility in South Korea: The role of the tempo effect/ Hyun-Yoo Sam // Demographic Research. – 2018. – Vol. 38, № 22. – P.549-576.
68. Seo Seung-Hyun. Low fertility trend in the Republic of Korea and the problems of its family and demographic policy implementation/ Seung-Hyun Seo // Population and Economics – 2019. . – Vol. 3, № 2. – P. 29-35.
69. Seol Dong-Hoon. Ethnic Return Migration and Hierarchical Nationhood: Korean Chinese Foreign Workers in South Korea/ Dong-Hoon Seol, John D. Skrentny // Ethnicities. – 2009. – Vol.9, № 2. – P.147-174.
70. Seol Dong-Hoon. Population Aging and International Migration Policy in South Korea/Dong-Hoon Seol // Journal of the Korean Welfare State and Social Policy – 2018. – Vol.2, No.2 – P. 73-108.
71. Shim Nari. Korea's Multiculturalism (Damunhwa) Policy and Media Discourse/ Nari Shim // The Fletcher School. – 2013. – 53 p.
72. South Koreans Learn to Love the Other// Foreign policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2018/07/16/south-koreans-learn-to-love-the-other-multiculturalism/>. – Дата доступа: 25.04.2021.
73. The 2nd Basic Plan for Immigration Policy// Korea Immigration Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.immigration.go.kr/immigration_eng/1833/subview.do?enc=Zm5jdDF8QEB8JTJGYmJzJTJGZW1taWdyYXRpb25fZW5nJTJGMjMwJTJGMzc4NTg1JTJGYXJ0Y2xWaWV3LmRvJTNGcGFzc3dvcmlM0QlMjZyZ3NCZ25kZVN0ciUzRCUyNmJic0NsU2VxJTNEJTI2cmdzRW5kZGVTdHllM0QlMjZpc1ZpZXdNaW5lJTNEZmFsc2UIMjZwYWdlJTNEMSUyNmJic09wZW5XcmRTZXElM0QlMjZzcmNoQ29sdW1uJTNEc2olMjZzcmNoV3JkJTNEVGhlKzJuZCtCYXNpYytQbGFuK2ZvcitJbW1pZ3JhdGlvbitQb2xpY3klMjY%3D. – Дата доступа: 05.04.2021.

74. The 3rd Master Plan for Immigration Policy// Korea Immigration Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immigration.go.kr/bbs/immigration/226/440575/artclView.do>. – Дата доступа: 05.04.2021.
75. The Human Fertility Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>. – Дата доступа: 05.04.2021.
76. Timothy Lim. Who is Korean? Migration, Immigration, and the Challenge of Multiculturalism in Homogeneous Societies/ Lim Timothy // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2009. – Vol.7, №1. – P.1-21.
77. Watson Iain. Multiculturalism in South Korea: A Critical Assessment/ Iain Watson // Journal of Contemporary Asia. – 2010. – Vol.40, №2. – P.337-346.
78. Watson Iain. Paradoxical Multiculturalism in South Korea/ Iain Watson //Asian Politics & Policy. – 2012. – Vol.4, №2. – P.233–258.
79. Yoon In-Jin. South Koreans' Attitudes toward Foreigners, Minorities and Multiculturalism/ In-Jin Yoon, Young-Ho Song, Young-Joon Bae // American Sociological Association. – 2008. – P.324-341.
80. Zmire Zeljana. Multiculturalism and Citizenship in South Korea: The Impact of Korean identity on Multiculturalism/ Zeljana Zmire // Graduate School of International Studies Hanyang University. – 2020. – 239 p.
81. 국가통계포털 (KOSIS KOrean Statistical Information Service) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kosis.kr/search/search.do?query=국제결혼>. – Дата доступа: 25.04.2021.
82. 국립국어원 표준국어대사전 (Большой стандартный корейский словарь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stdweb2.korean.go.kr/main.jsp>. – Дата доступа: 12.05.2021.
83. 국방다문화시대: 다문화장병 1 천명 시대 (Мультикультурная эпоха обороны: эпоха тысячи мультикультурных солдат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20141120154800372>. – Дата доступа: 05.04.2021.
84. 국어사전 (Толковый словарь корейского языка) / Naver dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ko.dict.naver.com/#/main>. – Дата доступа: 15.09.2020.
85. 권규호. 한국의 인구구조 변화와 장기 성장 전망: 일반균형론적 접근//정책연구시리즈 2015. (Квон Кюхо «Демографические изменения и долгосрочные перспективы роста в Корее: подход к общему равновесию //Сборник политических исследований») – 2015. – 91 p.
86. 다문화 학생 통계 현황 14.4 월// 교육부 (Статистика учеников из мультикультурных семей, 14 апреля) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=316&lev=0&status>

YN=C&s=moe&m=0302&opType=N&boardSeq=57128. – Дата доступа: 05.03.2021.

87. 이민정책연구원 (Научно-исследовательский институт иммиграционной политики) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iom-mrtc.org/main/main.php>. – Дата доступа: 15.04.2021.

88. 인구절벽위기: 여성들 30 살은돼야결혼...출산율낮아져// Hankooki (Демографический кризис: Женщины в возрасте 30 лет должны выйти замуж...Уровень рождаемости низкий// Hankooki) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.hankooki.com/lpage/economy/201502/e2015020610182469890.htm>. – Дата доступа: 05.04.2021.

89. 제 1 차 외국인정책 기본계획 (Первый базовый план иммиграционной политики) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immigration.go.kr/bbs/immigration/226/327254/artclView.do>. – Дата доступа: 05.04.2021.

90. 제 267 회국회(임시회) 경과보고서 (отчет 267 сессии парламента РК). – 2007. – 280 с.

91. 제 271 회국회(임시회) 경과보고서 (отчет 271 сессии парламента РК). – 2008. – 354 с.

92. 제 74 회 국정과제회의를 주재하는 노무현 대통령 (74 заседание правительства под руководством президентна Но Мухёна) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archives.knowhow.or.kr/record/all/view/80440?page=577>. – Дата доступа: 05.09.2020.

93. 조계종 이주민지원 단일협의체 좌초 위기 / 마하이주민지원단체협의회 운영비 3 천만원 전액삭감 (Кризис единого консультативного органа Чоге, поддерживающего мигрантов/ сокращение общих расходов Совета Организации поддержки жителей Маха на 30 миллионов вон) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cafe.daum.net/43sudawon/5sXX/706?q=%EB%A7%88%ED%95%98%EC%9D%B4%EC%A3%BC%EB%AF%BC%EC%A7%80%EC%9B%90%EB%8B%A8%EC%B2%B4%ED%98%91%EC%9D%98%ED%9A%8C>. – Дата доступа: 05.04.2021.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Статистика заключения браков с иностранкой (2000-2020 гг.)

кореец+жена-иностранка	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Общее число браков	6945	9684	10698	18750	25105	30719	29665	28580	28163	25142	26274	22265	20637	18307	16152	14677
Тайвань	22	21	29	52	84	114	104	129	152	134	152	155	175	248	230	233
Филиппины	1 174	502	838	928	947	980	1 117	1 497	1 857	1 643	1 906	2 072	2 216	1 692	1 130	1 006
Вьетнам	77	134	474	1 402	2 461	5 822	10128	6 610	8 282	7 249	9 623	7 636	6 586	5 770	4 743	4 651
Камбоджа	1	2	2	19	72	157	394	1 804	659	851	1 205	961	525	735	564	524
Лаос	5	2	1	2	6	2	5	11	16	20	44	80	144	46	56	82
Малайзия	11	7	18	9	21	15	11	16	23	28	13	32	23	33	31	21
Индонезия	42	48	67	88	82	99	97	74	77	81	82	89	97	121	126	110
Таиланд	240	182	327	345	324	266	271	524	633	496	438	354	323	291	439	543
Непал	2	2	21	22	32	16	33	82	159	316	202	211	255	186	112	61
Монголия	64	118	194	320	504	561	594	745	521	386	326	266	217	193	145	145
Китай	3 566	6 977	7 023	13347	18489	20582	14566	14484	13203	11364	9 623	7 549	7 036	6 058	5 485	4 545
Япония	819	701	690	844	809	883	1 045	1 206	1 162	1 140	1 193	1 124	1 309	1 218	1 345	1 030
Казахстан	28	27	3	67	44	36	26	25	21	18	25	36	31	16	19	21
Узбекистан	43	66	183	328	247	332	314	351	492	365	317	324	365	269	255	224
Канада	38	38	55	44	74	92	91	134	117	134	144	169	185	177	204	188
США	231	262	267	322	341	285	331	376	344	416	428	507	526	637	636	577
Австралия	31	41	41	32	37	34	45	63	61	65	74	73	87	97	95	96
Новая Зеландия	0	1	7	4	11	13	9	15	20	20	25	24	27	31	37	36
Кыргызстан	19	41	47	42	46	33	80	62	49	54	116	201	119	71	41	49
Россия	70	155	236	297	315	234	203	152	110	139	119	125	94	90	94	110
Другие	462	357	175	236	159	163	201	220	205	223	219	277	297	328	365	425

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Статистика заключения браков с иностранцем (2000-2020 гг.)

корейнка+муж-иностранец	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
общее количество браков	4 660	4 839	4 504	6 025	9 535	11637	9 094	8 980	8 041	8 158	7 961	7 497	7 688	7 656	7 164
Тайвань	29	26	35	58	82	92	90	111	109	94	94	123	112	152	120
Филиппины	10	12	22	25	22	26	27	27	47	43	50	76	64	47	38
Вьетнам	3	5	9	12	10	28	47	61	61	49	67	93	180	279	283
Непал	9	7	5	33	29	27	19	28	43	43	16	21	23	26	13
Пакистан	36	63	126	130	100	219	150	134	117	104	102	126	130	99	83
Индия	9	7	13	16	36	30	30	21	41	38	32	40	34	25	30
Шри-Ланка	2	4	3	9	8	30	21	30	18	24	36	55	60	58	37
Бангладеш	14	38	45	157	186	252	54	45	46	63	46	17	26	25	22
Китай	210	222	263	1 190	3 618	5 037	2 589	2 486	2 101	2 617	2 293	1 869	1 997	1 727	1 579
Япония	2 630	2 664	2 032	2 250	3 118	3 423	3 412	3 349	2 743	2 422	2 090	1 709	1 582	1 366	1 176
Франция	65	55	78	77	77	73	98	112	91	99	116	128	158	165	174
Италия	13	15	21	25	30	23	24	36	27	29	38	46	34	53	64
Германия	82	94	81	94	109	85	126	98	115	110	135	114	134	157	148
Нидерланды	11	12	11	11	11	15	12	19	12	20	18	23	22	30	28
Великобритания	64	69	86	88	120	104	136	125	144	166	178	195	196	197	207
Швейцария	9	10	19	22	22	27	28	21	25	36	27	30	30	36	26
Канада	150	164	172	219	227	283	307	374	371	332	403	448	505	475	483
США	1 084	1 113	1 204	1 222	1 332	1 392	1 443	1 334	1 347	1 312	1 516	1 632	1 593	1 755	1 748
Австралия	78	78	90	109	132	101	137	158	164	159	194	216	220	308	249
Новая Зеландия	7	11	16	36	33	56	50	63	74	56	79	78	95	104	103
Другие	145	170	173	242	233	314	294	348	345	342	431	458	493	572	559

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Статистика заключения браков с иностранкой (2000-2020 гг.)

кореец+жена-иностранка	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общее число браков	6945	9684	10698	18750	25105	30719	29665	28580	28163	25142	26274	22265	20637	18307	16152	14677	14822	14869	16608	17687	11100
Тайвань	22	21	29	52	84	114	104	129	152	134	152	155	175	248	230	233	224	260	267	286	196
Филиппины	1 174	502	838	928	947	980	1 117	1 497	1 857	1 643	1 906	2 072	2 216	1 692	1 130	1 006	864	842	852	816	367
Вьетнам	77	134	474	1 402	2 461	5 822	10128	6 610	8 282	7 249	9 623	7 636	6 586	5 770	4 743	4 651	5 377	5 364	6 338	6 712	3 136
Камбоджа	1	2	2	19	72	157	394	1 804	659	851	1 205	961	525	735	564	524	466	480	455	432	275
Лаос	5	2	1	2	6	2	5	11	16	20	44	80	144	46	56	82	92	51	86	116	65
Малайзия	11	7	18	9	21	15	11	16	23	28	13	32	23	33	31	21	30	34	42	38	35
Индонезия	42	48	67	88	82	99	97	74	77	81	82	89	97	121	126	110	65	58	88	97	51
Таиланд	240	182	327	345	324	266	271	524	633	496	438	354	323	291	439	543	720	1 017	1 560	2 050	1 735
Непал	2	2	21	22	32	16	33	82	159	316	202	211	255	186	112	61	46	46	42	50	22
Монголия	64	118	194	320	504	561	594	745	521	386	326	266	217	193	145	145	170	174	197	195	154
Китай	3 566	6 977	7 023	13347	18489	20582	14566	14484	13203	11364	9 623	7 549	7 036	6 058	5 485	4 545	4 198	3 880	3 671	3 649	2 524
Япония	819	701	690	844	809	883	1 045	1 206	1 162	1 140	1 193	1 124	1 309	1 218	1 345	1 030	838	843	987	903	758
Казахстан	28	27	3	67	44	36	26	25	21	18	25	36	31	16	19	21	40	49	60	92	79
Узбекистан	43	66	183	328	247	332	314	351	492	365	317	324	365	269	255	224	232	236	276	285	133
Канада	38	38	55	44	74	92	91	134	117	134	144	169	185	177	204	188	201	195	188	185	159
США	231	262	267	322	341	285	331	376	344	416	428	507	526	637	636	577	570	541	567	597	432
Австралия	31	41	41	32	37	34	45	63	61	65	74	73	87	97	95	96	76	81	95	80	47
Новая Зеландия	0	1	7	4	11	13	9	15	20	20	25	24	27	31	37	36	35	33	22	29	22
Кыргызстан	19	41	47	42	46	33	80	62	49	54	116	201	119	71	41	49	43	55	45	54	24
Россия	70	155	236	297	315	234	203	152	110	139	119	125	94	90	94	110	125	171	234	305	275
Другие	462	357	175	236	159	163	201	220	205	223	219	277	297	328	365	425	410	459	536	716	611

Источник: KOSIS [76].

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Статистика заключения браков с иностранцем (2000-2020 гг.)

корейка+муж-иностранец	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
общее количество браков	4 660	4 839	4 504	6 025	9 535	11637	9 094	8 980	8 041	8 158	7 961	7 497	7 688	7 656	7 164	6 597	5 769	5 966	6 090	5 956	4 241
Тайвань	29	26	35	58	82	92	90	111	109	94	94	123	112	152	120	141	109	117	133	117	104
Филиппины	10	12	22	25	22	26	27	27	47	43	50	76	64	47	38	40	36	80	80	64	46
Вьетнам	3	5	9	12	10	28	47	61	61	49	67	93	180	279	283	432	565	586	587	639	501
Непал	9	7	5	33	29	27	19	28	43	43	16	21	23	26	11	10	21	21	12	27	9
Пакистан	36	63	126	130	100	219	150	134	117	104	102	126	130	99	81	65	44	69	60	54	38
Индия	9	7	13	16	36	30	30	21	41	38	32	40	34	25	30	18	26	20	22	29	12
Шри-Ланка	2	4	3	9	8	30	21	30	18	24	36	55	60	58	37	37	25	41	44	35	30
Бангладеш	14	38	45	157	186	252	54	45	46	63	46	17	26	25	22	20	20	19	12	13	10
Китай	210	222	263	1 190	3 618	5 037	2 589	2 486	2 101	2 617	2 293	1 869	1 997	1 727	1 579	1 434	1 463	1 523	1 489	1 407	942
Япония	2 630	2 664	2 032	2 250	3 118	3 423	3 412	3 349	2 743	2 422	2 090	1 709	1 582	1 366	1 176	808	381	311	313	265	135
Франция	65	55	78	77	77	73	98	112	91	99	116	128	158	165	174	177	138	126	124	123	93
Италия	13	15	21	25	30	23	24	36	27	29	38	46	34	53	64	49	36	40	38	34	22
Германия	82	94	81	94	109	85	126	98	115	110	135	114	134	157	148	130	92	88	100	95	54
Нидерланды	11	12	11	11	11	15	12	19	12	20	18	23	22	30	28	27	8	19	25	24	19
Великобритания	64	69	86	88	120	104	136	125	144	166	178	195	196	197	207	196	186	185	184	190	146
Швейцария	9	10	19	22	22	27	28	21	25	36	27	30	30	36	26	31	12	13	21	13	15
Канада	150	164	172	219	227	283	307	374	371	332	403	448	505	475	481	465	398	436	402	363	257
США	1 084	1 113	1 204	1 222	1 332	1 392	1 443	1 334	1 347	1 312	1 516	1 632	1 593	1 755	1 748	1 612	1 377	1 392	1 439	1 468	1 101
Австралия	78	78	90	109	132	101	137	158	164	159	194	216	220	308	249	254	197	203	189	178	82
Новая Зеландия	7	11	16	36	33	56	50	63	74	56	79	78	95	104	103	80	80	88	72	59	48
Другие	145	170	173	242	233	314	294	348	345	342	431	458	493	572	559	571	555	589	744	759	577

Источник: KOSIS [76].